

Под Водой

Роберт Дан

16+

Роберт Дан

Под водой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68259302

SelfPub; 2022

Аннотация

1582 год, капитан Мор и его небольшая команда моряков уже неделю плывут по бескрайнему морю. Обычное дело: съездить из одной страны в другую с целью торговли. Кто же знал, что какие-то три недели "туда" будут стоить слишком многого: любви, ревности, а может, даже и жизни. Если бы только не то, что находится под водой... Если бы только не оно...

Роберт Дан

Под водой

Вода, люблю глядеть на то, как она переливается на свету. Если бы мне предложили выбрать между тем, чтобы смотреть на то, как вечно горит огонь, льется вода или работает человек, я безоговорочно выбрал бы второе. Но честно вам признаюсь, не любая вода так будоражит меня, так манит и одновременно пугает, как морская. Вода ведь может таить в себе множество секретов. Конечно, одна капля или же одно ведро, наполненное до краев жидкостью, вряд ли кого-то напугает, но вот океан... В нём слишком много неизведанного... Дна не видно, оно скрывается густой темнотой. Бури в океанах особенно страшные: морская пена бурлит, волны бешено скачут. А если ещё небеса закричат и заплачут? У любого сердце забьётся быстрее, чем обычно, участится дыхание. Но если же вас до сих пор не пробрала дрожь по холодному телу, то я с удовольствием рассказал бы вам одну историю, которая не произошла со мной, и в которой я нисколько не участвовал. Её рассказал мне мой давний друг, а ему, в свою очередь, его друг. Быть может, эта история—обычная сказка, которой пугают детей, быть может— нет, решать вам...

Это был 1582 год. Мистер Мор, на тот момент уже совсем не молодой капитан, плыл со своей небольшой коман-

дой в страну с небезызвестным названием N. Он был одет, как типичный капитан того времени. На голове треуголка, на ногах сапоги, на плечах камзол и жилет, длинные штаны, во рту трубка с табаком. Но было в его образе и одно отличие от первоисточника— перчатки на руках. Чёрные кожаные перчатки— невероятно дорогая и красивая вещь. Вся одежда Мора имела отчётливый коричневый оттенок, не считая перчаток, сапог и треуголки. Стоя абсолютно ровно и поглядывая на компас, старик вёл корабль.

Шла лишь вторая неделя путешествия, поэтому никто из моряков не успел заскучать. Вечная качка, также иногда забавляла тем, что заставляла некоторых выbleвать свой обед на палубу, но всё же, с какой-то стороны, это было обыденное дело для любителей моря.

Ночи в океане были потрясающими: звёзды одиноко светят, месяц медленно качается... Тишина постоянная: и днём, и ночью ничего не пошумит, не булькнет нигде рыбка, лишний раз не прокричит чайка, пролетающая над кораблём. Этот вечный покой моря, может показаться для кого-то великолепным, но это не так. Молчание сводит с ума...

Мистер Мор, как всегда, был у руля. Ни ночь, ни день, ни шум, ни тишь, не вынудили бы его остановиться. Только лишь сонливость да голод могли бы заставить старика на время оставить свой пост и передать его пареньку по кличке Натт. Молодого называли именно так не по велению Папы Римского, а лишь потому, что видели его все только ночью,

и лишь тогда, когда Мор спал. Многие моряки не понимали, как Натт так хорошо видит во тьме, ходили слухи, что сам царь морской великодушно направляет паренька верным маршрутом вперёд.

Старик знал Натта не первый день и не первый раз путешествовал с молодым мальчиком. Он доверял ему как никому другому, но всё же, Мор знал только то, что ему было нужно: что юнец хорошо рулит и хорошо видит— остальное не интересно. Натт— скромный парень, он почти ни с кем не болтал, лишний раз не стремился к большой толпе, к интересному разговору.

Но однажды, вечером понедельника, а может вторника был вечер, перед тем как передать пост и уснуть, Мор задал вопрос парню:

— Сколько тебе лет, Натт? — спросил старик, неловко подмигнув, сложно было не заметить, что Мор впервые интересовался кем-то другим.

— Пятнадцать, — удивившись, ответил паренёк.

— Пятнадцать... А так и не скажешь. Широкие плечи, сам по себе ты крепкий малый. Но, на самом деле меня интересует немного другое: почему же пятнадцатилетний парень решил заниматься мореплаванием?

— Здесь очень романтично, мистер Мор. Ночью ещё лучше: не жарко, как днём, да и волны кажутся менее буйными. Я просто люблю воду, такой загадочной и неописуемо красивой... Видите ли, я рос в большой семье— пятеро нас

было, все братья. Я родился последним, по возрасту от своих отставал сильно, поэтому мне никогда не была интересна их жизнь. Отец умер, когда мне было семь, мать постоянно хворает, мы с парнями пытаемся помочь ей, чем можем. У всех братьев есть жёны, у некоторых дети, только у меня никого нет... Мать долго пыталась помочь найти ту самую, но сейчас ей не до меня. Сюда пришёл, потому что деньги нужны, ну и по причине, что море тянет.

– Понятно, ты работаешь здесь уже год второй, и что же мать болеет, всё это время?

– Не знаю, я её в последний раз месяц назад видел. Тогда она что-то бормотала, я не разобрал. Эх... Кажется время кончается у матушки. Совсем плохо ей...

– Ладно, иди тогда Натт. А я пойду усну. Завтра, как всегда, у руля.

– Спокойной ночи, мистер Мор... – парень покинул свою каюту.

Старик двинулся дальше, по пути он встретил Чингиала – до невозможности жирного мужчину, вес которого, на удивление, выдерживало судно, но будьте уверены, что если бы Чингиала скинули в море, то корабль точно бы чуточку приподнялся.

Толстяк тоже пожелал капитану доброй ночи и направился в камбуз на поздний ужин для одного. А Мор подошёл к личной каюте, закрыл дверь и немедленно лёг спать. Но корабль не спал – в камбузе шли напряжённые игры. Шайтан

Просперо, которого почти все ненавидели из-за его постоянных побед в карты, как всегда, забавлялся в любимой игре. Победить Просперо, значило победить каждого сидячего в комнате, ведь тот, кто находится в своём уме никогда не поставит не на Просперо. А значит победитель получит всё.

Шулер был одет в бело-жёлтую рубаху со спущенными рукавами, помятую и криво заправленную в штаны. Лицо у Просперо было овальной формы, в некоторых местах не хватало зубов, а где-то были золотые. На голове находилась тряпка, завязанная соответствующим образом в узел. Если бы тощий мужик имел бы ещё крюк вместо руки, да повязку на левом глазу, его бы точно признали пиратом. Да и вёл себя Просперо, точно, как пират. Удивительно, что ему так и не дали какую-нибудь кличку, ведь на этом корабле никто кроме него не был обделён и оставлен без нового имени.

Рядом с, представленным только что, Просперо сидел Форт— очень крупный мужик, с татуировками по всему телу, кроме лица. Сидел он наполовину голый, только штаны, да и всё. На стопах пусто. Лицо его украшала густая темная борода, спускающаяся точно до пуза, на голове безволосица. Но за грозным видом, скрывался очень добрый человек, всегда готовый помочь. Форт был далеко не глупым мужиком, и, поставив на Просперо двое золотых, ожидал наиболее вероятной развязки игры.

На самом деле, деньги мало что значили на корабле— всё и так было общее, но морякам нужно же было, хотя бы как-

то развлекаться.

Напротив Просперо сидел Червелл, прозванный так за хорошее знание истории и других более точных наук. На таком же тощем, как и Просперо мужичке были надеты очки с одним стёклышком чуть-чуть большим другого. Он сидел, скрючившись, и смотрел на свою колоду, постоянно не понимая, почему ему попадают безжалостные пики, а у противника черви, которые к тому же, постоянно становятся козырями.

Вокруг толпы ходил голодный Чингиал, ища, чем же можно подкрепиться:

– Чингиал, ты опять пытаешься найти, чтобы пожрать? – заметив толстяка сказал один из толпы. – Да всем поварам Италии не хватит продуктов, чтобы прокормить такого борова, – тихо продолжил тот же самый. Толпа засмеялась. "Тем самым" был Лука – молодой парень, которого уже давно прозвали Джуларом. Улыбка с его лица никогда не слетала, и похоже, что единственной его задачей было развеселить хмурю толпу.

Сама игра проходила за деревянным столом с тремя ножками, освещали его и весь камбуз факела, одиноко поставленные только в тех местах, где было нужно...

Вдруг! Просперо опять победил! Неудивительно, кто бы не сидел напротив, как бы не играл соперник, но ему не победить призванного, наверное, всей Италией, шулера.

Ставки сыграли и были приняты снова, старик по кличке

Банкер пересчитал всё, что лежало на столе и объявил начало следующей игры...

А в это же время, на палубе стоял Натт. Его длинные тёмно-каштановые волосы развевал морской ветер. Ночного неба не было видно, оно было перекрыто серыми облаками. Парень молчал, любясь тишиной. Через пару-тройку игр даже малейший шум прекратился: все уснули. Только Натт не спал, он плыл и наслаждался бескрайним морем...

Как вдруг, море запело! Но не мешало это пение, оно будто сочеталось с той тишиной, предшествующей ему. Пение продолжалось всю ночь, долгой была та ночь...

Утро. Резкий стук в дверь разбудил капитана, около каюты собралось множество людей, все они точно были чем-то взволнованы. Стук не прекращался, Мор встал с кровати и вышел из комнаты. Перед ним стоял Чингиал и ещё парочка каких-то моряков.

– Капитан, паренёк куда-то пропал, – напуганно сказал толстяк. – Корабль немедленно стал вести Форт. Но вы же понимаете, он не рулевой. Мы честно не знаем где мальчик, почти вся команда ищет его.

– Не говори глупостей, Чингиал. Ты, наверное, голоден вот и несёшь какую-то чепуху, – произнёс полусонный старик.

– Да вы не понимаете, кораблём некому управлять! – неожиданно, взволнованно закричал жирдяй.

Эти слова разбудили Мора. Он быстро побежал на палу-

бу. За рулём и правда был Форт, великан неловко управлял штурвалом. Увидев капитана, его лицо изменилось в лучшую сторону, и он подбежал к своему спасителю:

– Сэр, слава богу вы пришли. Пока Натт отсутствовал, корабль немного сбился с курса, но я всё вернул обратно. Плывём на Юго-запад.

– Спасибо, Форт. Ты нам оказал очень хорошую услугу. Я ещё не завтракал и не успел до конца одеться, так что можешь, пожалуйста, принести мне мой второй ботинок, – опять неловко подмигнул старик.

– Конечно, Сэр, конечно, – мужик побежал. Мор же тяжело выдохнул.

Старик пытался осознать, что происходит. Куда делся Натт, и что же он будет ему говорить за такое долгое отсутствие. Мальчик никогда не покидал поста, да и зачем ему прятаться от собственной команды. Неужели свалился с корабля? Да нет! Не может такого быть, ночью море было спокойным, да и на вряд ли Натт был пьян.

Весь день искали парня– всё в пустую. Похоже мальчик утонул... Но ближе к вечеру, одному моряку удалось хоть что-то отыскать. Это был Джулар, он заметил на воде обнажённую девушку ослепительной красоты, волны толкали её вперёд, вслед за кораблём. Темные волосы её плавали по воде, лицо было бледным, но не настолько, чтобы считать её мертвой, веки прятали глаза. Шея у неё была очень тонкой, руки тоже, аккуратные кисти лежали на холодном теле. Толь-

ко ног было не видно, скрывались они за тьмой моря. Долго парень любовался красавицей, как вдруг понял, что быть может ей надо помочь. Он побежал к остальным.

– Мужики! Я сейчас такое видел, – шокировано говорил Джулар. Могло показаться, что он и сам не верил в то, что только что лицезрел. – Там девушка, на воде. Надо помочь.

– Какая девушка? – выкрикнул кто-то из моряков.

– Вдруг она умирает, нужно её вытащить к нам. Ну чего же вы сидите? Нужно ей помочь! – толпа быстро подбежала к тому самому месту, но девушки уже не было. Быть может, и не было её вовсе? Все задались этим вопросом.

– Это была шутка, Джулар? – спросил один из моряков. – Неудачная шутка?

– Нет, я правда видел. Правда... – напуганно сказал Джулар. – Правда видел. Я видел тёмные длинные волосы...

– Быть может, это был Натт? – неожиданно перебил Мор, немного подслушав разговор.

– Нет. У неё было женское тело, прекрасное женское тело. Женская шея, женская грудь... Руки, ноги... Только ног я её не видел! – с удивлением сказал парень.

– Ног не видел, как же ты мог не видеть ноги? – спросил Форт.

– Я просто не видел их, быть может лунный свет ослепил меня в тот момент, когда я хотел взглянуть на них.

– Да бред это всё! Ты нас опять дуришь Джулар! – выкрикнул кто-то из толпы.

– Клянусь Папой видел! Не могло мне такое показаться.

– Отца святого не трожь! – закричал Мор. – Вздумал клясться кем попало! Никто здесь на корабле не видел девушку на воде, никто кроме тебя. Может сонливость или тяжёлый труд ударили тебе в голову и показали то, чего на самом деле не было. А даже если и было, нельзя таких трогать! Имя его святое, просто так произносить не смей! – было заметно, что старик не на шутку рассердился, возможно на него надавили сегодняшние события, связанные с исчезновением Натта.

– Простите, капитан, – с опущенной головой произнёс Джулар.

– У него, прощения просить будешь. За такое голову рубили...

После этих слов все разошлись, кто куда: Мор обратно к штурвалу, Чингиал в камбуз, Форт с Просперо пошли домыывать деревянную палубу, остальные тоже куда-то делись. Только Джулар долго стоял на месте и пытался понять не сходит ли он с ума. Луна уже давно отражалась бликами на воде, скоро должно было настать время ложиться спать.

Но Джулар не решился в эту ночь сомкнуть глаз. Он захотел пробраться в нос корабля, подальше от рулевого, которым этой ночью вновь стал Форт. Парень глядел в воду, надеясь вновь заметить то чудо, присутствие которого в воде, каждую секунду, каждое мгновение рвало его сердце в щепки и обратно соединяло во едино. Он влюбился в ту девушку.

ку, влюбился не сразу. Джулар понял это куда позже, парень понял это только сейчас...

Как вдруг! На сверкающей от лунного света, воде появилась девушка, вновь она! Только в этот раз глаза её не были закрыты. Она плыла в след за кораблём, смотря на того, кто не знал никого и ничего более красивого, чем она! Джулар протёр глаза. Девушка действительно плыла рядом с кораблём.

– Это ты? – осторожно спросил парень так, будто боялся спугнуть бабочку, опыляющую цветок.

Но девушка просто улыбнулась. Она захотела было уплыть, но...

– Постой! Пожалуйста, не уходи. Ты же понимаешь меня? Пожалуйста, ответь кто ты?

– Кто я такая?

Я дева морская, – произнёс ангельский голосок.

– Тебе, наверное, холодно в воде. Давай я помогу тебе подняться на палубу, встанешь своими ножками на твердый пол.

От этих слов девушка засмеялась, прикрывая рот рукой.

– Что такое?! Если хочешь я тебя на руках буду таскать.

– А ты смешной,

Мой герой... – с этими словами неизвестная скрылась в воде. Джулару, много кто говорил, что он смешной, но её фраза показалась ему особенной. Будто звучала она по-другому; голос её не просто говорил с ним, он скорее пел. Парень стоял и глядел на воду, пытался заглянуть в темноту.

Вдруг море опять запело. Не было до конца понятно откуда доносился звук, но он точно где-то звучал.

– А я смешной, твой герой, – повторял Джулар. – "Кто я такая?"

Я дева морская", – шептал парень. Он мог бы записать эти слова, чтобы перечитывать, но ему это было не нужно, он запомнил их наизусть, неосознанно запомнил. Вскоре парень побежал в свою каюту, лёг на койку и пытался как можно скорее уснуть. Он хотел немедленно встретиться со своей возлюбленной, хотя бы во снах. Стоило его сознанию отключиться, как Джулар сразу же оказался в своих фантазиях...

Они показали ему желаемое прошлое, которое не удалось изменить. А что, если бы он вытащил девушку. Если сразу же кинул ей верёвку? Она бы сразу поднялась к нему, и он тут же бы поцеловал её, обняв так крепко, как никогда никогда не обнимал. Он взял бы её за руку и никогда бы не отпускал. Ради неё он бросил бы даже мореходство, перестал бы быть итальянцем, сменил бы религию. Только бы она была рядом. Он ведь так и не прикоснулся к ней, не дотронулся до её лица, не просочились волосы её сквозь пальцы его, не почувствовал он то, как она дышит рядом. Во сне все мечты сбывались.

Но всё же сны имеют свойство кончаться. Наступило утро, и Джулар проснулся. Не хотел он открывать глаза, хотел остаться там, остаться там навсегда. Парень перевернулся на другой бок и попытался уснуть повторно. Вдруг в каюту за-

бежал Просперо, парень свистнул и начал кричать.

– Проснись и пой, Джулар! Солнце уже давно поднялось! – но парень лежал лицом к стене и молчал. – Вставай! – с этими словами Просперо начал трясти парня. Джулар понял, что не сможет больше поспать, из-за чего он подскочил и со злостью толкнул виновника в этом деянии.

– Зачем ты меня разбудил, Просперо?! Зачем?!

– Затем, что ты спал, – вставая, сказал парень. – Нечего столько на постели лежать, тебе пора сделать расчёт еды на сегодня. Или ты думаешь, что дела сами сделаются?

– Я смотрел прекрасный сон, а ты...

– Досмотришь следующей ночью. – перебил парень, вдруг лицо Просперо резко изменилось, оно стало более злым и серьёзным. – И не смей меня больше так толкать, понял? А то не посмотрю на то, что ты младше.

– Мы одногодки, – тихо сказал Джулар.

– Чего?! Чего ты сказал?! – закричал Просперо, – Да ты меня на полгода младше! Ты по сравнению со мной – младенец, не умеющий ходить!!

Джулар промолчал, он даже не топнул ногою, не хлопнул дверью. Парень быстро покинул каюту и двинулся к складу еды, воды и других менее интересных вещей на корабле.

Деревянное судно медленно плыло по воде; до нужного места ещё не скоро – три недели. Конечно, для заядлых моряков три недели – это ничто. Но поверьте мне на слово, это будут самые долгие три недели в их жизни.

Заглянем на склад. В тёмной комнате сидит Джулар, освещающая одиноким факелом малюсенький кусочек комнаты. Вокруг парня стоят бочки: некоторые из них забиты до краёв порохом, который ещё предстоит продать, другие наполнены мясом, сухарями и овощами. Также, в самом дальнем углу склада лежали бочки с вином и пресной водой. И вот, в этом сборнике пыли, а иногда даже живности, Джулар пересчитывал бочки и рассчитывал сколько должно остаться на следующую неделю, еды, воды и вина.

Ну... Пока Джулар занимается отнюдь не интересными вещами, думаю, можно посмотреть чем же заняты другие моряки. На палубе размеренно ходил Мор, следя за тем, чтобы каждый выполнял свою работу и не халтурил. Конечно, он также не забывал следить за штурвалом.

Форт перетаскивал деревянные бочки, порученный Джуларом. Червелл проверял паруса, Чингиал готовил обед, Просперо драил палубу. Остальные тоже работали, все вместе, как один большой и крепкий механизм. Как вдруг эту замечательную работу, глядеть на которую можно было вечно, нарушило пение. Море вновь завопило, но на этот раз днём. Кто-то из толпы решил отыскать источник звука и, взглянув на воду, увидел нечто...

– В воде! Девушка в воде!! – закричал тот, показывая на нечто пальцем. Все подбежали – в воде и правда кто-то был. Молодое красивое тело плавно перетекало по волнам. Все застыли... Толпа пожирала глазами прекрасное созда-

ние. Девушка пела, и пение это ни с чем не сравнить, оно было таким нежным, таким лёгким, таким женственным... Вдруг пение это долетело до ушей Джулара, парень понял сразу: она вернулась к нему. Он немедленно побежал на палубу и, протиснувшись сквозь шокированную толпу, подошёл к краю.

– Это ты! – закричал он. – Ты любовь моя, я ждал весь день.

– Кто ты такой?

Я не знаю тебя.

Мне лико твоё,

Не знакомо... – удивлённо сказала девушка.

– Как? Как не знакомо? – Джулар растерянно улыбнулся. – Ты ведь шутишь верно?

– Шутки– Локи деяния,

Лживые листья,

На ветвях мироздания.

– Мы же говорили вчера! Не ужели не помнишь?

– Хватит мучить её Джулар, – перехватил Просперо. – Сказала же, что не знает, значит не знает.

– Да она просто так шутит!! – крикнул парень. – Ха-ха! Она просто шутит, просто шутит!! – Джулар засмеялся, он не понимал, почему делает это. Вскоре за смехом последовали слёзы.

– Прости меня,

Не помню тебя, – после этих слов девушка скрылась под

водой.

– Ты спугнул её, идиот! – прокричал Просперо. – Она тебя знать не знала, а ты докопался до молодой! – парень толкнул Джулара.

Началась драка, но почти в ту же секунду, как полетели первые кулаки, бой был остановлен толпой. Врагов разняли и сделали выговор. Наступило время обеда, поэтому все немедленно двинулись в сторону камбуза.

В столовой начали медленно исчезать блюда: сначала сухари, позже рыба. Моряки запивали всё вином и громко болтали. Шок от увиденного ещё не прошёл, поэтому все разговоры были только на одну тему.

Но не каждый решил болтать по поводу произошедшего. Кто-то просто молчал, кто-то заедал мысли, как толстяк Чингиал, кто-то запивал, как Просперо. Джулар сидел вдали от всех, в углу комнаты, изредка беззвучно нервно улыбаясь. Вдруг парень начал смеяться, сначала тихо, но позже смех усилился, странность в поведении шутника заметил Форт.

– Ты чего, Джулар? Что с тобой? – осторожно спросил гигант. Все резко утихло и начали следить за мелким диалогом.

Вдруг парень поменялся в лице. Джулар спокойно встал из-за стола и сказал:

– Я просто вспомнил очень смешную шутку.

– Хорошо, только больше так не смейся, ладно?

– Ладно... – прошептал парень. – Ладно... Можно я пойду в каюту?

– Конечно, иди отдохни.

Джулар быстро покинул камбуз. Все сидящие были в недоумении, молчание продержалось ещё пару минут, пару очень долгих тихих минут. Вдруг Просперо злобно спросил:

– А кто будет за него работу делать?

– Я сделаю, – ответил Форт.

– Не надо Форт, – влез Мор. – Тебе и твоей работы хватает, пусть лучше ей займётся Просперо.

– Но мне тоже работы хватает! – возмутился парень.

– Не хватает, ты успеваешь отдыхать, бездельник.

– Да когда же капитан?

– Не знаю, знаю только, что ночью тебе не до сна, и вместо того чтобы набираться сил ты играешь. Получается, у тебя есть когда отдыхать днём.

– Но...

– Что "но"? – перебил старик. – Это приказ, противишься?

– Нет, Мор.

– Капитан.

– Нет, капитан.

Ну вот обед кончился, значит кончились все разговоры. Моряки разбежались кто куда: один на смотровую площадку, двое на склад, трое чистить трюм. Только Джулар сидел в каюте, и нервно посмеивался, прикрывая рот, чтобы не услышали. Он лишь повторял "не знаю тебя" и смеялся. Задышавшись от слёз, парень дёргался туда-сюда. Тики поразили всё тело: то шея дёрнется, то рука, то мизинец на ноге содрог-

нётся. Так и провалился Джулар на дряхлой, старой деревянной кровати, пока не уснул с улыбкой на лице. Но ближе к вечеру его разбудил Просперо.

– Слезай с кровати, пора мне спать.

– А? – сонно вздрогнул Джулар.

– Говорю, дай мне поспать! – с этими словами парень столкнул спящего с кровати.

– Что ты делаешь, Просперо?!

– Ничего! Я весь день работал, а ты спал, время поменяться местами!!

Джулар молча покинул каюту. Парень решил отыскать другое тихое место, чтобы продолжить сон. Лучшего места, чем места на складе не нашлось. Приняв удобную позу на холодном полу, Джулар вновь закрыл глаза, как вдруг... Опять запело море, но в этот раз пение не успокаивало, не давало той умиротворённости, как обычно. Наоборот, оно раздражало и не давало уснуть. Он бил себя по голове, закрывал уши – ничего не помогало. Тогда Джулар решил отыскать источник звука, он вышел на палубу: около руля стоял Форт с наполовину закрытыми глазами – похоже, только пение не давало ему уснуть. Парень двинулся в сторону носа корабля и взглянул на тёмную, как ночь, воду. На небе не было звёзд, облаков. Только месяц светил. Вдруг, в воде кто-то появился. Вновь она!

– Это ты?! – чуть не закричал парень. – Ты помнишь меня?

– Помню тебя,

Прости меня,

За то что я

Солгала про тебя.

– То есть солгала? Ты про тот случай перед ребятами?

– Да... но я шутила,

Лишь тебя сместила.

– Правда? – парень засмеялся, прикрывая рот, чтобы никто не услышал. – Это очень, очень смешная шутка!

– Хочешь ещё одну?

Прыгай сюда расскажу, – будто уже зная исход событий после сказанного, говорила девушка.

– Конечно, – Джулар, смеясь, перелез борт корабля и прыгнул в воду.

Всё это увидел Форт, шокированный гигант моментально взбодрился и подбежал к краю, но в воде уже никого не было.

– Джулар! – испуганно крикнул Форт. – Где ты?!

Вдруг вода ответила.

– Я здесь Форт, – сказал голос парня. Только не было в этом голосе ни нервности ни усмешки. Он был очень спокойным и тихим.

– Где? – недоумевал мужчина.

– Под водой...

– Всплыви наверх, Джулар.

– Не хочу, здесь так хорошо...

– Что же хорошего там? Ты ведь задохнёшься!

– Это не правда, Форт. Как только я поцеловал, ту девушку, то сразу же задышал полной грудью. И ты попробуй, прыгай в воду Форт.

Неожиданно для мужика, из воды появилась голова, но только это был не Джулар, это была девушка. Её горящие рыжие волосы размывали волны. Форт заметил прекрасную и сразу же окрикнул незнакомку.

– Я тебя вижу! – Форт показал пальцем на девушку. – Тебя! – голова скрылась в воде. Мужчина на секунду задумался, как вдруг вспомнил про руль и Джулара. Прозвучали крики. – Джулар спрыгнул с корабля! Джулар спрыгнул с корабля! Подъем!! Вставайте!!! – через минуту корабль зашатало: весь экипаж помчался на палубу. В этой ночной суматохе кто-то спросил:

– Что такое, Форт?

Форт пересказал все, только что произошедшие события. Команда замолчала, стоило мужику сказать, что какая-то девушка была в воде. Джулар прыгнул в воду из-за неё...

– Похоже я догадываюсь, кто это был... – сказал кто-то в толпе. – У нас их зовут русалками. Сверху они, красавицы, но вот внизу... Рыбий хвост вместо ног.

– Как это? – спросил другой.

– А вот так... Эти "полудевы" заманивают моряков под воду, а потом убивают.

– А откуда нам знать, Соньятор, что ты не придумал эту историю прямо сейчас? – настороженно спросил Форт. – Все

мы знаем, какие байки ты умеешь рассказывать.

– Он не придумывает, – сказал ещё кто-то. – Я тоже слышал эту историю, только у нас их называли сиренами, за их пение.

– Хочешь сказать, что это они поют ночью?

– Да...

Вдруг из толпы выбежал какой-то мужчина, волосы его были растрёпаны, глаза были наполнены страхом. Он сказал ужасное:

– Силенсьёзо покончил с собой, – все подбежали в каюту. В ней висел парень, горло его было туго перемотано наволочкой, привязанной к доске, отходящей от потолка. Его шея была невероятно белой, как и его лицо. Глаза не отдавали больше приятным блеском, они перестали быть живыми. – А ведь он просто не мог уснуть. Перед сном сказал, что видел красивую девушку и всё. А теперь это...

– Что ж происходит то? – неожиданно сказал Мор. – Натт, Джулар, Силенсьёзо. – старик взялся за голову. – Так... Форт немедленно беги к штурвалу, кто-то должен скинуть Силенсьёзо с корабля, а остальные могут пойти спать, но отныне каждый обязан сообщить остальным, если увидит что-то в воде. Поняли?

Команда ответила положительно. Ночь продолжилась. Вода вроде бы утихла, как и беготня на корабле; тяжело сегодня было уснуть. Как вдруг опять началось пение, постоянные звуки сводили с ума.

Форт стоял у руля и смотрел вперёд, пытаясь не обращать внимания на произошедшее и на уже раздражающее пение.

Корабль то нёсся на юг, то его тянуло на запад. Ветер раздувал паруса намного сильнее, чем обычно, поэтому и судно плыло быстрее, чем обычно. Ночь длилась ещё несколько часов, как вдруг светило начало появляется из-за горизонта. Море стало невероятно тихим и спокойным, корабль вернулся к прежней скорости. Вот из кают потянулись люди, но стоило лишь начаться дню, как появилось новое несчастье. Ещё один из моряков пропал. Это уже было слишком плохо... Четверых, четверых не хватает на борту! Нужно бить тревогу, но всё равно никто не услышит крики о помощи. Возвращаться назад смысла нет: корабль быстрее доплывёт до нужного места, чем вернётся обратно.

На корабле паника: все бегают из стороны в сторону и не знают, что делать дальше. Кто сможет остановить весь этот шум и гам? Конечно же, капитан. Старик закричал, что есть мочи, и все звуки моментально утихли.

– Почему все кричат и бегают? Хватит вести себя, как оборванцы! Вы– взрослые мужики! Вы моряки! А что я вижу? Я вижу детей, которых оставили без игрушки. Ведите себя подобающим образом. Понятно? – в ответ тишина. – Понятно?!

– Так точно, капитан!!! – закричала команда.

– Да мы потеряли четверых, но если мы не соберёмся– потеряем ещё больше. Так что за работу!

И люди, опять превратились в один большой механизм, став его деталями. Конечно, чего-то в этом механизме не хватало, но работа всё равно шла, как надо. Корабль не сбивался с курса, паруса были всегда натянуты, Мор стоял у штурвала. В головах моряков, ещё сидели мысли о смертях, но никто не решался о них говорить. После начался обед, но вино в этот раз не открывали, молчание продолжалось даже на момент приёма пищи. Это казалось очень не привычным для моряков, развлечением для которых в тихом море были лишь долгие разговоры...

Кстати, если вы ещё не забыли про Чингиала, то я бы мог рассказать про него одну интересную историю. Историю про то, как этот толстый жирдяй попал на борт небольшого корабля под предводительством капитана Мора, про то, как он стал частью этой маленькой команды. Был тогда далёкий 1575, и молодой, ещё не гротескно толстый Чингиал спешил на судно, отплывающее от пристани. Заскочив в последний момент, наш пухлый герой, тяжело дыша, осматривался по сторонам. Он только что сел на торговый корабль, до краёв наполненный разными вещами и, конечно же, купцами, невероятно хотевшими эти разные вещи продать.

Почему Чингиал решил забежать на этот борт? Ну... Этот корабль двигался в сторону Англии, а наш не очень умный эмигрант решил переехать туда жить, не имея при этом ни знания языка, ни денег, ни полного понимания зачем он это делает. Но с другой стороны, чего ему было терять? Его ро-

дители давно погибли от чумы, поэтому он жил с тётёй, которой всегда было глубоко плевать на племянника. Она даже не кормила его должно. Мальчик был самым худым в семье. Наверное, это и ударило по его голове, ведь теперь Чингиал всегда ел до отвала, а то мало ли кто-то или что-то отберёт у него еду. Это были не приступы жадности, нет, скорее вечное беспокойство или комплекс. Поэтому после съезда от тети набор лишнего веса был лишь вопросом времени.

Но сейчас набрать вес будет задачей непростой. Кормить его на борту никто не собирался, да что и говорить, никто знать не знал, что на борту есть ещё один безоговорочно лишний человек. Но это незнание продлилось относительно недолго, ровно через час и тридцать минут, в тот момент, когда Чингиал решил отыскать еды, его нашел один из моряков, Скуало. Это был мужчина лет тридцати, среднего роста с невероятно пышными, густыми, чёрными, как обсидиан усами. Кожа его была смуглой, а глаза узкими, из-за чего лицо Скуало всегда казалось хмурым. Также, лико его украшал большой шрам на левой щеке, тянущийся ото лба до подбородка, огибая глаз, как горная река камень. Нижняя челюсть его была чуть более вытянута вперёд, чем верхняя, из-за чего прикус у Скуало был совсем ни к черту. Зрение мужика также постоянно подводило, но вот слух! Слух был отменным. Стоило кому-то начать шептаться за его спиной, стоило этому кому-то сказать про Скуало что-то противное, так этому кому-то было несдобровать.

Скуало посмотрел за бочку, где прятался Чингиал. Конечно, с таким зрением, каким обладал Скуало, Чингиала можно было с лёгкостью перепутать со средней свиньёй, но с таким слухом, каким обладал Скуало, отличить поросёнка от человека труда не составляло. Мужчина прекрасно слышал то, как Чингиал шептался за бочкой, и отчётливо узнал в голосе нотки итальянского акцента. "Свиньи так не могут", – подумал Скуало. "Они лишь кричат и хрюкают, а это розовое чудо болтает." Поняв, что глаза его вновь обманывают, он взял безбилетника за ухо и, почти отрывая его, повёл преступника прямо к капитану. На тот момент управлял кораблём Мор. Он тогда ещё не был таким стариком, каким является сейчас, но и очень уж молодым не был. Лысина на его голове ещё не появилась (кстати именно по этой причине Мор носит треуголку), волосы не успели поседеть, да и сам старик ещё не имел повадки старика. Взглянув на Чингиала, капитан задумался, что делать с безбилетником. Скуало кричал о том, что толстяка нужно немедленно скинуть с корабля, и что каждую секунду корабль работает впустую, веся сотню лишних килограмм по доброте душевной. Начался полнейший шум и гам, и, вероятно, он бы так и продолжался. Или же Чингиал был бы уже за бортом, если бы Мор всех не заткнул.

– Тише вы! Мы никого с борта скидывать не будем! Мы не пираты, не пираты! Очень разочарован тем, что тебе вообще приходят такие идеи, Скуало. Назад возвращаться нельзя–

потеряем драгоценное время... – мужчина на пару секунд замолчал, задумавшись, а когда эта пара секунд кончилась, Мор уже было хотел выдать свой вердикт, как вдруг, его перебил молодой и неуверенный, но басистый голос.

– Сэр. Могу я высказаться?

– Ты вроде бы уже начал, так что продолжай.

– Мне лишь нужно доехать до Англии. На обратном пути я не буду вас тревожить. Просто прошу вас– довезите меня до Англии, и я больше не буду вам мешать, пожалуйста.

– Вот те на, эмигрант! – выкрикнул кто-то в толпе. Видно, что это выкрикивание было не осознанным, но после него толпа словно ожила. Все начали перешёптываться, и слово "эмигрант" стало темой этого большого разговора.

– И зачем тебе в Англию, парень?

– А зачем мне оставаться в Италии? Родители мои давно мертвы, для других родственников я чужой. Любимую я так и не нашел, никого у меня тут нет. Италия мне стала противна, мне тяжело в ней находиться.

– Хорошо, ну а звать то как себя прикажешь?

– Энрике, сэр.

– Ну хорошо, Энрике... – Мор вновь замолчал. Мужчина взглянул на команду и с горечью во рту сказал. – Дайте этому парню еды, воды и место, где он сможет спать.

– Спасибо, спасибо! – повторял Чингиал. Но толпа не оценила сей щедрости капитана, полетели возмущения.

– Почему?!

– Как же так?!

– Потихе, потихе!! Он не будет обычным туристом, нет. Он будет помогать. Что ты умеешь делать, Энрике?

– Готовить! – выкрикнул Чингиал. – моя мать была настоящим поваром, и когда я ещё жил с ней, то очень многому научился.

– Очень хорошо, а теперь иди в камбуз и поешь.

Но вдруг Скуало не на шутку возмутился.

– Что же это такое?! Ты даёшь ему нашу еду, нашу воду, наши кровати! С чего ты взял, что можешь решать – кого мы будем кормить, а кого нет?!

– С того, что я ваш капитан! – закричал Мор.

– Давно я уже не видел здесь капитана... – прошептал Скуало. Он думал, что Мор не услышал это, и уже было хотел идти...

– Не можешь увидеть капитана, так услышь его, Скуало. Зачем же ты ко мне принёс этого парня, если не за тем, чтобы я сказал что с ним делать? Я сказал, и теперь ты ворчишь. Определись, пожалуйста, с тем слушаешь ли ты меня или нет.

На это Скуало лишь нахмурил широкие брови и пошёл по своим делам. Сложно было не заметить его недовольство, и недоволен был не только он. Мор знал, что вряд ли кто-то будет рад его решению, именно поэтому у него горчило в горле. Не из-за того, что пришлось оставить Чингиала на корабле, а из-за того, что это точно не понравилось его ко-

манде.

И вот Чингиала отвели в камбуз. Сама по себе столовая была большая, но очень тёмная. Углов комнаты было попросту не видно из-за того, что факела не могли светить настолько сильно. Внутри камбуза отчётливо пахло рыбой. Этот запах узнал бы даже человек с забитым носом, настолько он был силён. Сегодня на обед была уха— ну скорее вода с рыбой, чем полноценный суп, но с другой стороны, иногда в коричневатой жидкости мог проплывать кусок картофеля, радующий глаз. Рыба была нарезана большими кусками и совсем не очищена. Честно говоря, только своим видом, не говоря уже про запах, суп отталкивал. Но есть больше было нечего, поэтому Чингиал решился на то, чтобы опустить ложку в тарелку, а потом эту же ложку отправить себе в рот. Не понятно по какой причине, но блюдо было совсем не солёным. Это очень возмутило Чингиала, но он не подал виду, а лишь взял вторую ложку необычного блюда. В этот раз в ложке был не только бульон, но и кусок рыбы. Вокруг Энрике стояли пятеро моряков внимательно наблюдавшие за тем, как он ест. Поэтому, когда Чингиал клал в рот уже вторую ложку, он нарочно облизнулся, будто сейчас попробует сладкий панфорте, а не вонючую рыбу в непонятной жидкости. Стоило толстяку лишь положить эту субстанцию, себе в рот, как кость, которую забыли, а может быть и не собирались вытаскивать из рыбы, впилась ему в верхнюю десну. Боль была адской, но Чингиал молчал. Тихо вытащив чуть окровавлен-

ную косточку изо рта, он положил её на стол и продолжил есть. Пусть Энрике и был толстяком, это совсем не означало, что он готов проглотить всё, что ему принесут. Энрике любил вкусную еду— ту самую, что ему готовила мать, когда он был маленьким. Тётя, конечно, убила в мальчишке частичку гурмана, но всё же оставшаяся часть никуда не делась. В конце концов, с горем пополам, блюдо было съедено и одному из матросов было приказано найти для Чингиала место, где он будет спать. Пара пошла в сторону кают.

"Тем самым", кто искал для Энрике место для ночлега, был Червелл. Очень умный молодой парень, носящий несимметричные очки. Возможно, из-за того, что он был невероятно худым и иногда заикался, ему и давали самую неинтересную и совсем не ту, которую он заслуживает, работу. Но не переживайте. Ещё года два-три и всё изменится в лучшую сторону.

По пути пара разговорилась, попутно познакомившись. Червелл нашёл для Энрике подходящую комнату с большой кроватью и тёмными деревянными стенами, пахнущими солью и старостью. На удивление каюта не была пыльной, но запах соли всё равно бил в нос.

Позже, Чингиалу дали парочку обязанностей на корабле, и он наконец-то стал немножечко полезен команде. Со временем толстяку начали доверять больше и дали даже поработать вместе с поваром над ужином. То, что приготовил Чингиал запомнилось каждому на корабле— это был настоящий

талант. Так запечь рыбу мог только настоящий мастер. Казалось, что даже стоит Энрике по-другому— более профессионально, чем старый повар.

Но в конечном итоге всё кончилось: корабль приплыл в назначенное место. Прибрежный городок около воды, казалось, ничем не отличался от того, где жил Чингиал. Такие же маленькие деревянные домики, покрывающие всю горно-пляжную местность данного города. Люди были по всюду, и одеты они были... Почти одинаково. Ну то есть, что девушки, что мужчины носили платья. У женщин они, конечно, были больше и пышнее, а у мужчин... Нет. Это были скорее юбки, чем платья. У мужчин были юбки. Из-за того, что они были гораздо короче, чем платья они были куда менее грязны и рваны.

Это было так непривычно для Чингиала. Его мужчины носили шорты и рубашки, но никак не юбки. А на головах их были бежевые кепки и изредка шляпы, что частично объединяло их с англичанами. Но некоторые "особенные" англичане носили совсем не понятный для Чингиала головной убор. Он был похож на цилиндр, точнее это и был цилиндр. "Почему такие высокие?"— подумал про себя Чингиал. "Неужели они не могут сэкономить на ткани и сделать из этого огромного недоразумения две обычные шляпы?"

Вдруг его размышления перебил удар по плечу:

— Ну что, Энрике. Вот мы и в Англии, скоро нам придется прощаться. Как тебе Англия? — спросил его Червелл.

– Я представлял её немного другой, – растерянно произнёс Чингиал.

– Это нормально. Это все потому, что мы не в Лондоне. Все представляют Лондон, когда говорят об Англии. Если плыть дальше по воде, туда, где берега сужаются– ты обязательно попадёшь в Лондон. Там жизнь другая, поверь мне, друг, – Червелл улыбнулся и было что-то в этой улыбке. И дружелюбность, и обаяние, и радость за друга, и небольшая грусть из-за осознания, что друг скоро покинет этот корабль, и что вряд ли судьба столкнёт этих двух людей вместе ещё раз.

– Знаешь, Червелл, я... Мне кажется, я не смогу здесь жить... Ни в Лондоне, ни дома, нигде. Мне просто страшно оставаться одному... Я долго думал нужно ли мне это, но честно говоря, я совсем не понимаю, что именно мне нужно. Быть может, мне нужна любовь. Быть может, мне просто нужно знать, что меня любят. Мать умерла, когда мне было пять, отец умер на следующий день. Пять лет... Мне не хватило пяти лет, – на лице Чингиала появились слёзы. Он смотрел на город, смотрел на людей в юбках, платьях и цилиндрах, он смотрел на солнце, которое заходило за горизонт, попутно отражаясь в воде.

– Я надеялся найти девушку, но не нашел и вряд ли когда-либо найду. В Лондоне нет толстых людей, в Лондоне красивые люди, в Лондоне умные люди. Я не такой, мне здесь не место... – вдруг Чингиал замолчал, он тяжело вздохнул и

вновь заговорил. – Могу я остаться на корабле, Червелл?

– Я не знаю, Энрике, – Червелл сильно обеспокоился, конечно он был бы рад тому чтобы Чингиал остался, но сейчас... Сейчас он не был уверен, что команда согласится на то, чтобы Энрике остался. – Нужно спросить у команды.

Червелл спросил, и, на удивление, получил положительный ответ. Чингиал чем-то зацепил моряков. Возможно, умением прекрасно готовить, а быть может, умением прекрасно поесть.

Вот так Энрике попал на борт корабля, заимел друга и хорошую команду. Но в какой же момент Энрике стал Чингиалом? Не могу сказать точно. Но на данный момент Энрике – уже давно Чингиал. Талант повара начал исчезать, милый толстяк превратился в огромную тушу. И прямо сейчас этот жирдяй сидел у края корабля и смотрел на воду, в которой отражалось ночное небо. Луна вновь одиноко освещала путь вперёд. Ни одной звёзды не было на небе. Чингиал продолжал смотреть в тёмную воду. Он пытался увидеть своё отражение, но вместо этого он видел только чёрное небо. Вдруг из воды выскочила голова. Потом появились плечи. Одного лица было бы достаточно, чтобы понять, что перед Чингиалом образовалась девушка, но плечи всё-таки решили помочь толстяку.

– Мне кажется? – тяжёлым басистым голосом прошептал Чингиал.

– Нет, не кажется тебе,

Это девушка в воде, – передразнивала его неизвестная. Ей было не больше шестнадцати, она была очень молода. Слишком молода. Её бледная кожа ещё не знала, что такое морщины. Её худые плечи ещё не испытывали мужских прикосновений, а спина ее похожа никогда ещё не горбилась. Она была ещё так невинна.

– Ты та самая из-за которых... – Чингиал хотел было сказать "умерли мои друзья", но в ту же секунду понял, что он не смеет говорить такие слова перед настолько непорочной и по правде маленькой девочкой. Он боялся, что слово "умерли" может шокировать прекрасную девуцу. Ведь он знал, что люди убивают себя сами, и что возможно, она ничего об этом не знает.

Чингиалу было уже двадцать девять лет, но выглядел он намного старше. Он знал, что каким бы не было привлекательным молодое тело, он не может хотеть его. Ни в каких смыслах этого слова. Тем более, он был здесь на корабле, а она там в воде. Он всеми силами пытался не влюбиться в девушку, но она, как будто специально, глядела на него сверкающими карими глазами, будто она пожирала его ими. Чингиал пытался отвести взор в сторону, но не мог. Он никогда не видел обнажённую девушку, тем более настолько красивую. У неё были рыжие волосы, длинные и густые, они плавали на воде.

– Я так хочу дотронуться до тебя,

Дашь мне хотя бы частичку себя? – мечтательно спросила

девушка.

– Нет... Ты не можешь любить меня. – словно выходя из гипноза, сказал Чингиал. – Я толстый и некрасивый. Ты не можешь любить меня. – с этими словами Чингиал встал и быстро ушёл. – Она не может любить меня. Она не может любить меня, – быстро повторял Чингиал двигаясь в сторону кают. Его толстые вонючие ноги быстро перебирали по деревянным ступеням корабля. Он, по правде, был взволнован. Он боялся быть следующим. Любовь свела бы его с ума, любовь к этой девушке. Чингиал пытался выбросить образ прекрасной незнакомки из своей памяти, но стоило ему лишь на секунду закрыть свои глаза, просто моргнуть, как он тут же видел её бледное нежное лицо, её румяные щёки, её максимально правильные скулы, губы, глаза... Она была по-настоящему идеальна. "Таких девушек должны зарисовывать на картинах, им должны воздвигать памятники", – думал Чингиал. "В наше время столько уродливый людей, я тоже уродлив, но почему такие красавицы, такие музы считаются ведьмами? Неужели никто не может признать их красоту?" – размышлял он, ложась в кровать и накрываясь тонким, совсем не согревающим, одеялом. Стоило глазам Чингиала сомкнуться, как он тут же окунулся в сон.

В нём Чингиал стоял на плоту посреди океана. Казалось, что пара небольших брёвен, крепко соединённых между собой бечёвкой, не чувствовала тяжёлого мужчину. Вдруг около плота появилась она! Девушка плавала рядом, не отрывая

глаз от Чингиала. Он тоже смотрел на неё. Но неожиданно для себя, Чингиал обнаружил, что начал тонуть. Плот медленно опускался под воду, через несколько секунд толстяку начало казаться, что он стоит в луже. Чингиал понял, что не сможет всплыть, и что он точно утонет. Но вдруг девушка, успокаивая, сказала ему следующее:

– Стань легче, дорогой,
Сними всё лишнее, родной.

И тогда Чингиал начал ускоренно раздеваться, но уже оставшись в одних трусах, понял, что это не поможет.

– Нет, ты не понял меня, дорогой,
Сними его же скорее.

Поверь, это поможет, родной,

Только быстрее, быстрее, – говорила девушка, показывая пальцем на живот Чингиала.

Толстяк не сразу понял, что от него хотят, но от безысходности он и вправду потянул за свой живот, будто отталкивая его от себя, и живот слез с его тела, словно жилет. Ему показалось, что он взлетел. Потом Чингиал снял жир с ног, словно высокие сапоги, а затем и с рук, словно длинные перчатки до плеч, какие носят чумные доктора. Последней была шея, этот жир было куда тяжелее снять, чем другой, он был словно ошейник, пережимающий горло. Сняв его, Чингиал впервые за долгое время задышал полной грудью. К этому моменту плот уже полностью утонул, и Чингиал остался один на один с океаном и девушкой. Она тут же его поцеловала,

от неожиданности Чингиал забыл подгрести руками чтобы не утонуть, из-за чего пара вместе ушла под воду. Но в ту же секунду, когда Чингиал понял, что находится не на поверхности, он понял и то, что не нуждается в воздухе. Мужчина, обхватив талию любимой, притянул её к себе, не отрывая губ. Второй рукой он сжал руку девушки, пропустив её пальцы между своими. Вдруг поцелуй окончился, она заговорила прямо под водой, выпуская пузыри воздуха.

– Ты такой красивый

Сегодня, любимый.

От этих слов лицо Чингиала сыграло недоумение. Он красивый? Мужчина взглянул на свои руки, они не были толстыми – они были нормальными, обычными руками! Затем он посмотрел в глаза девушки, чтобы в отражении увидеть собственное лицо. Но своего лица, он там не увидел. В отражении было молодое, красивое мужское лико. Со скулами и подбородком без продолжений. Оно было бледное и совсем не морщинистое.

– Но как? Почему я такой красивый?

– Истинная красота,

Она внутри всегда, – с улыбкой сказала девушка...

В эту ночь опять была слышна песня в море...

Но теперь настало утро. Песни кончились, а Чингиал неохотно встал с кровати. В эту ночь он понял, что влюбился в девушку. Да, он влюбился в девушку, что же здесь плохого? Но он же не сумасшедший, чтобы из-за этого себя калечить.

Поэтому он решил, что может думать о ней, вспоминать её лицо, волосы и плечи. Главное, из-за этого не умереть, но это ведь и невозможно! Быть может, другие были изначально больны на голову и именно поэтому покончили с собой. А Чингиал полностью здоров. Точно здоров...

Этим утром вечно потный толстяк шёл по коридорам корабля с большой улыбкой на лице. Ему было приятно вспоминать ту девушку. Правильнее, конечно, было сразу сообщить команде о ней, как говорил Мор, но Чингиал либо забыл сделать это, либо не захотел.

В этот день Чингиал, ел куда с большим аппетитом еду, которую сам же и приготовил. в последнее время он переживал насчёт того, что стал слишком толстым, (хотя я думаю, он уже давным-давно вышел за пределы "слишком толстого") и что возможно, нужно перестать настолько много впихивать в себя еды. Такое может иметь летальный исход. Тем более, ему самому никогда не нравилось собственное тело. Но сегодня Чингиал будто забыл про собственные установки, и ел даже больше, чем обычно. Неужели он забыл, что от этого умирают? Умирают мучительно. Но это его не волновало. Также его не волновала собственная фигура. "Красота внутри", – мысленно проговаривал Чингиал.

Лицо его напоминало свиное рыло: неухоженное, грязное и жирное, невероятно жирное. Три подбородка, нос, который по правде, можно было бы перепутать из далека с пятаком; большой рот, маленькие уши и глаза– всё это состав-

ляло лицо Чингиала, не красивое ни при каких обстоятельствах. На Чингиала можно было бы посмотреть при плохом освещении или же увидеть его боковым зрением, но это всё равно бы не помогло. Чингиал был уродом, уродом везде и всегда. Язык даже не повернётся сказать ему комплимент. Сам Чингиал не мог сказать его себе. Даже сейчас, когда он понял, что истинная красота внутри, а не снаружи, он лишь перестал переживать над своей никчёмной внешностью, но всё равно продолжил считать себя уродом.

Чингиал был одним из тех людей, присутствие которых можно было ощутить даже с закрытыми глазами. Он имел свой запах, хорошо отличимый во влажном помещении. Это был очень сильный запах пота, который, кстати, моментально пропадал, стоило Чингиалу покинуть помещение. К этому запаху было сложно привыкнуть, но человеку, стоящему рядом, ничего больше не оставалось, как вдыхать этот адский аромат, быстро расходящиеся по комнате.

Как только Чингиал доел свой завтрак, он сразу же пошёл на кухню мыть посуду и готовить обед. Да-да, обед! Такова судьба морских поваров. Стоит кончиться завтраку, сразу же начинается подготовка обеда, ведь одному накормить около восьмидесяти моряков нелегко и очень медленно. Отдыхом лишь является поздний завтрак, поздний обед и поздний ужин, когда не покладаящий рук, повар может вдоволь наесться. Он ест один, потому что когда все едят – он работает: раздаёт пищу в помытые тарелки.

"Сегодня на обед будет уха", – сказал про себя Чингиал. Эта мысль не была выдающейся, он мог придумать хотя бы суп с цветной капустой, которой и так были переполнены бочки; или же сварить минестроне, опустив парочку ингредиентов. Но уха... Это было скучно и неинтересно, но похоже, что Чингиал уже безоговорочно определился с супом, и что даже нехватка рыбы (если бы такая проблема, конечно, была) не переубедила бы его не варить заевшуюся уху.

Найдя нужное количество рыбы, картофеля, моркови, соли, лука и ещё парочки ингредиентов, Чингиал начал творить. По-другому это было не назвать. Обычная сельдь в руках нашего повара превращалась в дорогостоящего лосося. А картофель и морковь немедленно очищались от кожуры ловкими движениями ножа, и этими же движениями, ловко нашинковывались на толстую соломку. К этому моменту вода уже во всю кипятилась в огромной кастрюле на небольшой печи. Огонь на корабле – невероятно опасная вещь. Но в руках умелого мастера он превращается в средство для жизненно важных вещей, например таких, как приготовление пищи. Как только первые пузырьки начали подниматься со дна кастрюли, выходить с брызгами из воды и шатать крышку, Чингиал понял, что пришло время закидывать продукты. Сначала полетело большое количество соли и перца, а потом уже картофель, морковь, лук и конечно же рыба. Казалось, ничто не могло заставить Чингиала хотя бы на секунду остановиться и перестать готовить, но так лишь казалось. Образ

девушки никак не выходил из головы толстяка, как и её фраза, прочно врезавшаяся в память толстяка:

"Истинная красота,
Она внутри всегда".

Вспоминая эти слова, глаза его невольно закрывались на несколько секунд, но тут же открывались, будто небольшого перерыва не было. Сам Чингиал самую малость пошатывался от мыслей о девушке, в его голове была и злость, из-за того, что он такой толстый, и что в том, что ему никак не добиться ту красавицу виноват только он; и печаль, из-за того, что толстяк так беспомощен перед голодом.

Но даже с забитой до краев отвлекающими мыслями головой, Чингиал как-то доготовил обед. Уха получилась на славу. Все, как всегда, ели с удовольствием и даже просили добавки, пусть рыбный суп уже успел надоесть. Должен признаться, что похоже я солгал по поводу потери поварского таланта у Чингиала. Он как был поваром высокого уровня, так и не понижал этой планки. С какой-то стороны, повар – это художник, только его краски – это овощи и фрукты, а шедевры съедобны, и преподносятся не на холсте, а на тарелке.

Ну вот обед был доеден, Чингиал отнес последнюю грязную тарелку в мойку и начал отмывать посуду от жира. Протерев мокрой тряпкой каждую по несколько раз, Чингиал взялся за ужин. Он готовил в небольшой спешке, как будто толстяк планировал сделать ещё парочку вещей, и для этого ему просто необходимо было иметь лишних полчаса.

Наступил вечер, команда вновь побежала в камбуз, громко поела, обсуждая печальные новости. Сегодня смертей не было, это радовало. Но почему тогда новости печальные? Прогнозисты обещают бурю, а это всегда плохая новость. Чаще всего корабли тонут именно из-за бурь. Ночь будет неспокойной. Форт должен быть очень бдителен. Мор сказал, что планирует уснуть сегодня позже, чтобы по максимуму помочь начинающему рулевому. Многие сегодня спать не будут, но Чингиалу повезло не попасть в этот список, он может спать спокойно. И вот уже поздним вечером толстяк домыкает последнюю посуду до состояния, когда вещь начинает блестеть, и идёт в сторону... Палубы? Но ведь каюты совсем в другой стороне. Было уже очень поздно, и неужели Чингиал не захотел поспать? Но он шёл на палубу, не сворачивая. И вот, подойдя к краю корабля, туда, где как он думал, его точно никто не увидит, Чингиал взглянул в тёмную воду и сказал:

– Покажись. Покажись! Пожалуйста, если ты здесь, покажись, – он думал, что такие слова, правда подействуют, будто они – что-то типа заклинания, которое стоит произнести, и желаемое сбудется. Ничего, конечно же, не произошло. Но Чингиал не ушёл, он стоял и всё повторял, повторял одно и то же.

– Покажись. Пожалуйста, если ты здесь, покажись, – он стоял так минут тридцать, в какой-то момент ему уже начало казаться, что он шепчет эти слова себе под нос, и что никто

не сможет их услышать, даже если сильно захочет. Но вдруг, в морской пене, бурлящей на воде, появилась голова. Это была она. Глотая воду, она пыталась петь, но в такую бурю это было невозможно. Перед ней девушка была беспомощна. Как малое дитя, каким оно на самом деле являлось. Видя всё это, в голову Чингиала пришла только одна мысль: "прыгать". Не подать верёвку или же помочь другим образом, нет. В его голове было только одно глупое слово: "прыгать". Чингиал уже начал было раздеваться. Глядя на то, как любовь всей её жизни в прямом смысле сейчас погибнет по глупости, тяжело глотая воздух, девушка крикнула из последних сил:

– Не прыгай! – два слова. Они звучали словно молитва. Обычно красавица всегда складывала свою речь в стихи, но сейчас она не могла этого сделать. Вода, её родная стихия, не давала ей не заговорить, не запеть, не даже вдохнуть. И вот, кривясь руками, сжимая и разжимая кисти, с изображением ужаса на лице, девушка ушла под воду.

– Нееееет!!! – закричал наполовину обнаженный Чингиал. Крик этот был настолько громким, что даже шум моря не мог затушить его. – Нет... – Чингиал упал на колени, по лицу его шли слёзы. На крики к плачущему мужчине подбежала чуть ли не вся команда. Стоящий в окружающей толстяка толпе Форт обеспокоенно спросил:

– Что случилось, Чингиал?

В ответ тишина.

– Чингиал, что случилось?

Заплаканный мужчина безэмоционально встал, и полуголый пошёл в сторону кают. Никто не помешал ему это сделать. Чингиал лёг на кровать и уснул...

И вновь ему приснился сон. В нём он был на балу, стройный и очень даже красивый. На лице его отчётливо были видны скулы, а его маленькие карие глаза сейчас казались крупными. Вероятнее всего, они и до этого были крупными, но из-за того, что Чингиал имел невероятно большое и толстое лицо, обычно глаза казались мелкими. Во сне он был строен и имел очень широкие плечи. Я бы сказал, что он был эталоном красоты. Его лицо, руки, ноги, туловище— всё имело идеальные пропорции, идеальную структуру, идеальное соотношение мышц и подкожного жира. На этом балу он был самым красивым мужчиной, около него ходили кривые, сутулые, невероятно худые люди. Этих гуманоидов разбавляли другие, гротескно толстые, они шатались и толкали соседей. Из их ртов, не прекращаясь, брызгали слюни, когда они говорили или смеялись, они чуть ли не блевали. И вот, в этой толпе уродов стоял Чингиал— красивый высокий мужчина. Его аккуратный белый костюм выделялся на фоне чёрных платьев и рубашек со штанами. Чингиал смотрел на всё это с ужасом, все эти люди не только были ему мерзки, но и пугали его. Как вдруг заиграла музыка, очень лёгкая и воздушная. Жирные мужчины приглашали худых, словно смерть, женщин. Гуманоиды медленно встали в пары и начали тан-

цевать, шаг за шагом. Этот танец... Он не являлся танцем, на это не хотелось смотреть, к этому не хотелось присоединиться. Чингиал стоял один, не шевелясь, как вдруг он увидел её! Красивую, в блестящем белом платье. Она подошла к нему и, глядя в глаза, первой начала диалог.

– Ну что, дорогой,
Станцуешь со мной?

Звонкий голос будто на секунду разбудил мужчину, молодое лицо улыбнулось ему, но Чингиал всё равно молчал— он любовался ею. Её аккуратным ликом, её белым платьем, её стройной фигурой, её тоненькими ручками.

– Как тебя зовут? – будто не слыша предложения потанцевать, спросил Чингиал.

– Сэнтаззой меня прозвали,

В честь матери именовали... – опустив голову, будто стесняясь сказанного, прошептала девушка.

– Никогда не опускай своё лицо, я дорожу каждой секундой, когда гляжу на него, – аккуратно приподняв голову девушки двумя пальцами за подбородок, сказал Чингиал. – Сэнтазза— это потрясающее имя. Это лучшее имя. Я буду любить его всегда. Сколько тебе?

– Мне достаточно...

Мать говорит я слишком молода,

Но мне уже пятнадцать, и да

Это достаточно... – девочка опять опустила голову. Но в этот раз Чингиал не стал приподнимать её.

– Ты знаешь сколько мне? – тихо спросил мужчина. – Мне почти тридц...

– Неважно мне,

Мне всё это не важно... – перебила его Сэнтазза.

– Так что, дорогой,

Потанцуешь со мной? – повторила девушка, но в этот раз её интонация была менее весёлой и задористой. Она сказала, будто была не до конца уверена, что возлюбленный согласиться.

– Да... Конечно. Конечно, конечно, я станцую, – ускоряясь говорил Чингиал. Он взял девушку за её стройную талию, и вышел с ней в центр зала. Медленная воздушная музыка двигала ими. В этой толпе уродов, страшных клонов друг друга, они были богами. Богами! Сильными, красивыми и свободными. Удивительно, что человек вообще хотя бы на секунду своей жизни может задуматься над тем, что он свободен. Свободны только боги. Никто кроме богов не свободен. Жизнь уже ограничивает нас с самого рождения. Жизнь не вечна и поэтому мы – рабы, думающие, что свободны. Как только жизнь станет вечной, люди станут свободны. Как только жизнь станет вечной – люди станут богами. Но сейчас, сейчас богами были только они. В танце пара постоянно разговаривала: Сэнтазза призналась Чингиалу в любви, сказала ему о том, что он невероятно красив, и что если мужчина этого не видит, это значит, что он лишь плохо смотрит. "Красота внутри" – повторяла девушка. Как вдруг, диа-

лог кончился, музыка кончилась тоже, даже те странные люди, если их, конечно, можно было назвать людьми, пропали. Чингиал не смог заметить тот самый момент, когда всё так резко переменялось. Девушка потянулась его поцеловать...

– Утро! Не время спать, время готовить! – с этими словами Чингиала разбудил поющий Просперо, плавно качаясь на дверном косяке. Его раздражающий голос не мог не заставить проснуться даже самого сонного. Он мгновенно бодрил так, что даже после кричалки человеку было уже трудно заснуть повторно.

В ответ на такую помощь с пробуждением Чингиал только послушно встал с кровати и, одевшись, пошёл в сторону камбуза. Толстяк медленно зашёл на кухню, чуть шатаясь, видимо, из-за бурного утра. День его не задался с самого начала: сначала Чингиал случайно пересолил гречку, потом не усмотрел за огнём, из-за чего каша немного пригорела, да и подъяedal Чингиал в этот раз куда больше, чем обычно. Но толстяк не придал всему этому значения. "Просто не выспался", – думал он.

Вот настало время завтрака, вся команда пришла в нужное время в камбуз, взяла тарелки с едой, села за деревянные столы и принялась активно жевать пищу, попутно болтая, из-за чего эта же пища частенько падала изо рта обратно в тарелку. Но люди будто не замечали этого и съедали по новой уже прожёванное блюдо.

– Как звери, – подумал про себя Чингиал.

Но вот пришло и его время завтракать. Он сел за стол, перед Чингиалом была большая тарелка с кашей. Но только стоило толстяку запихнуть в себя первую ложку блюда, как он тут же выплюнул съеденное. Не до конца было понятно почему он это сделал, в последний раз Чингиал выплёвывал еду, когда эту самую еду готовил старый повар, постоянно недосаливающий свои блюда. Возможно, это было сделано, потому что он и так уже наелся, подъедая кашу во время процесса готовки. А может причиной этому неожиданному выплёвыванию еды, была её сильная пересоленность или подгорелость. Но всё же правильного ответа мы с вами не узнаем.

Взяв большую тарелку с кашей, он кинул её в мешок с мусором. Тарелку! Он выкинул тарелку! Но Чингиал не заметил ничего необычного в своих действиях, и как ни в чем ни бывало пошёл мыть накопившуюся посуду. Закончив с работой, толстяк тут же принялся за другую: готовку обеда. В этот раз Чингиал выбрал более интересный суп, чем всем уже надоевшая уха. Томатный суп с сухарями. Помидоры как раз уже стали настолько мягкими, что если Чингиал не придумает из них что-то сегодня, завтра их придётся выкинуть на корм рыбам.

Сначала томаты нужно очистить от кожуры. Это можно сделать разными способами, но Чингиал выбрал тот, в котором помидор разрезается на пополам, а потом ложкой достаются внутренности овоща. Конечно, если вы хотите со-

хранить форму помидора, то лучше будет опустить его в кипяток на пару секунд, предварительно сделав большой крестовой разрез ножом, а потом с лёгкостью снять кожуру рукой. Чингиал же очистил помидоры собственным способом и закинул все внутренности овоща в огромную кастрюлю. Как вдруг, море опять запело, пение было громким, поэтому Чингиал услышал его. Но оно ни капли не успокаивало, наоборот сильно раздражало, из-за этого толстяк не мог сосредоточиться на работе.

На корабле же все делали вид будто не слышат пения, а быть может и правда они не слышали, или же пения и вовсе не было. Но даже если они и правда могли не слышать его, то Чингиал слышал его отчётливо. И это очень, очень сильно его раздражало. Из-за этого пения, руки Чингиала тряслись, и вроде бы на этом было всё, да иногда ему даже приходилось останавливаться, чтобы прийти в себя. Но это было лишь началом. Пение не кончилось ни через десять минут, ни через час. Когда начался второй час, Чингиал уже не мог терпеть. Из его рта даже потекла слюна, которая упала прямо в огромную кастрюлю с супом. Позже, нарезая петрушку, толстяк порезался. Ему стало настолько плохо, что он упал на пол. А когда очень толстый человек падает на землю, его падение может навредить не только ему, но и окружающим. Чингиалу повезло не только в том, что рядом никого не было, но и в том, что он ничего себе не сломал при падении и отделался лишь несильным ушибом. Через огромное ко-

личество усилий и боли, настоящей боли, которой Чингиал обычно не чувствовал во время готовки, чёртов томатный суп был приготовлен. И стоило повару кончить готовить, как в ту же секунду в камбуз повалили люди. Они очень громко разговаривали, а получив еду начали громко жевать.

В эту секунду, да что уже говорить на протяжении нескольких часов Чингиал хотел лишь одного: тишины. Но эти люди, его любимая команда, не давала ему этого. Толстяк смотрел на всех этих... Клонов, этих уродов. Они были так похожи на тех гуманоидов из его сна. Впервые Чингиал заметил, сколько неидеальных, уродливых людей есть в его команде. Никто из сидящих в камбузе не был идеален: ни Форт с его волосами даже в ушах, пусть их и несильно было видно, ни Просперо с своей худобой, ни Мор с его больной спиной и лысиной под треуголкой, ни Червелл с его плохим зрением и слабостью, ни сам Чингиал не был идеален, но это он итак понимал лучше всего на свете. Правда теперь, каждый час, каждую минуту толстяк убеждал себя, что "красота внутри".

После того, как эти чудовища (в голове Чингиала они и правда были чудовищами) доели, пришло время есть Чингиалу, но толстяк опять не стал этого делать. В его горле будто застрял ком сухого хлеба, из-за чего любая еда просто-напросто не лезла в его рот. Поэтому Чингиал не стал накладывать суп, а сразу взялся за мойку посуды. На протяжении всего времени пение не прекращалось. Голова Чингиала не про-

сто болела, она кружилась. Его шатало из стороны в сторону, из-за этого он даже обронил пару глиняных тарелок. Блюда разбились вдребезги, но Чингиал уже не обращал внимания, он просто мыл тарелки, с безэмоциональным взглядом. Из его рта, не прекращаясь, текли слюни, как вдруг его выблевало на пол. В этом точно не была виновата качка корабля, это всё было пение.

Удивительно, как у Чингиала получилось приготовить ужин, но было видно, что толстяку очень плохо. Может быть он заболел? Неужели никто не заметил, как ему плохо? Нет. Все ели, как ни в чём не бывало, никто даже повару спасибо не сказал. И в тот момент, когда в камбузе прозвучал очередной громкий выкрик, Чингиал понял, что ему сможет помочь. Ему поможет она! Чингиал быстро побежал на палубу, случайно, видимо по мышечной памяти, захватив с собой острый тесак; был уже поздний вечер – на улице темно. Толстяк подбежал к краю корабля и через боль закричал:

– Покажись! Пожалуйста, покажись! – почти вся команда была в камбузе, он знал, что кроме неё его некому услышать. – Сэнтазза, пожалуйста!

И вдруг, словно ангел, приходящий на помощь, пришла она. Девушка выплыла из-под воды.

– Привет, любимый,

Вот она я,

Вся твоя, – не поднимая глаз, говорила Сэнтазза.

– Это ты, – с облегчением произнёс Чингиал, из его рук

упал тесак, но в ту же секунду мужчина погрузился – девушка не смотрела на него. – Почему? – прошептал себе под нос толстяк. Почти сразу же он сам ответил себе на вопрос. – Ты не хочешь смотреть на меня? – глядя на свои жирные, уродливые руки сказал Чингиал. Как вдруг в его голове вновь прозвучали слова: "Красота внутри". "Красота внутри" внутри, внутри. Внутри него красота! Руки его задрожали, он снял с себя одежду. Чингиал поднял с пола острый тесак.

– Я... – дрожащим голосом произнёс Чингиал. – Ради тебя... – голый толстяк заплакал, стиснув зубы. Он прислонился к своему жирному неидеальному телу острый тесак. В голове его постоянно повторялись, словно заевшая пластинка, слова:

"Истинная красота,

Она внутри всегда."

Сквозь боль, сквозь невероятно жгучую боль он начал отрезать от себя куски жира, куски всего того не идеального, что было в нём. Слезы текли ручьём, Чингиал надрывался на крик, но лишь открыв рот, через силу закрывал его. По телу его текла тёплая кровь, она согревала его, словно объятия матери, которых так не хватало мальчику. Горячие слёзы жгли лицо. Вот на землю упал первый кусок мяса, затем упал второй, потом третий. Его руки очень, очень сильно тряслись, возможно от боли, возможно от сожаления или же от страха. В тот момент, когда Чингиал отрезал уже восьмой кусок мяса от своего тела на палубу, вышла поужинавшая

команда. Все люди были с широкими сытыми улыбками на лице, никто ещё не успел заметить самосуд Чингиала. Первым, кто увидел, это был Червелл.

– Энрике!!! – закричал мужчина. В этом крике был шок, невероятный шок. – Энрике!!! – надрывая глотку кричал Червелл.

Заметив людей Чингиал понял, что больше можно не молчать. Он заорал. Это был нечеловеческий ор, не мог так человек. Этот ор, этот ор запомнил каждый на корабле, ведь после этого ора, после этого последнего крика Чингиал умер...

Эта смерть была от кровопотери, а может быть и от болевого шока, да не так это и важно. Важно, что он умер из-за неё. Правда команда могла лишь догадываться, каковы были мотивы Чингиала. Большая часть ужина оказалась на палубе, это... выворачивающее зрелище заставляло выблевать всё каждого, кто хотя бы краем глаза взглянул на него. В эту ночь никто не спал. Никто не мог сомкнуть глаз, зная и осознавая случившееся.

Мало кто плакал в эту ночь, люди были скорее шокированы произошедшим, чем опечалены. Но вот Червелл плакал... Он долго плакал. Его лучший друг, с которым он хоть и в последнее время не так часто общался, умер. Единственный, кто понимал, единственный, кто поддерживал... Удивительно, что в нашем мире есть такие стереотипы, по типу: мужчина не должен плакать, ведь он мужчина; мужчина не должен показывать свои эмоции; эмоции мужчины должны

быть более однообразными, ведь он мужчина. Когда я слышу такие фразы, обычно смеюсь. Чем мужчина отличается от женщины? Нет, это неправильный вопрос. Чем эмоции мужчины отличаются от эмоций женщины? Почему плачущая женщина несчастна, а плачущий мужчина слаб? Не чувствуете эту привилегию в эмоциях? Почему женщина может закричать от боли, а мужчина должен стиснув зубы терпеть?! Эти глупые стереотипы... Червелл плакал, но он пытался скрыть свой плач именно из-за этих стереотипов. Ну ладно, пройдёт ночь, Червелл успокоится.

Интересно, где Форт. Ведь он точно сейчас не лежит на кровати и, вероятнее всего, опять заменяет Мора. Так и есть, в эту страшную ночь гигант стоял у штурвала. Он ещё не успел прийти в себя, поэтому его руки ещё немного тряслись. Форт медленно поворачивал налево и глядел на воду, как вдруг, правее корабля показалась голова. Зоркий мужик сразу заметил её и понял, что к чему.

– Ты, – сказал сам себе Форт. – Он умер из-за тебя. Конечно, ру... русалка, – последнее слово гигант произнёс неуверенно, как маленький ребёнок, впервые пытающийся сказать "мама". Удивительно, голова не пропала, она продолжила находиться над водой. Это злило Форта, из-за чего он, не выдержав, закричал:

– Убирайся, русалка!

Голова повернулась в сторону Форта.

– Кому сказал, погружайся обратно под воду, русалка!

Но вместо того, чтобы уйти от Форта, голова наоборот подплыла поближе.

– А что здесь такого,

Невероятно плохого? – спросила голова, обращаясь именно к Форту.

– То, что ты над водой. Ищешь очередную жертву? – злобно спросил Форт. Обычно добрый великан не говорил таким тоном, он был всегда дружелюбнее и приятнее.

– Какая ещё жертва?

Я имя узнать хотела.

– Конечно, – Форт слегка улыбнулся. – Имя тебе моё не нужно. Тебе бы лишь моё бездыханное тело видеть. Вот что тебе нужно.

– Тело мне твоё не нужно,

А имя, да и только.

– Форт, – как будто отвязываясь от девушки, ответил мужик.

– Ну ведь это же кличка,

А кличка – не имя, – рассуждая, говорила неизвестная.

– Кличка? – переспросил Форт, – Это прозвище, прозвище.

– Ну имя скажи.

Чего тебе стоит?

Одно слово произнести,

В этом сложности нет.

– Адольфо! Слышишь, А-доль...

– Поняла я, поняла,

Только не кричи, ладно? – перебила его девушка.

– Теперь убирайся, из-за тебя итак уже многие погибли.

– То есть, из-за меня?

Я полгода, как не выходила

На поверхность океана,

В чём же тогда виновата?

– Да что ты врешь! – взбесился Форт.

Но на удивление, девушка действительно не врала. Это была другая незнакомка, старше предыдущей. Ей было, наверное, года двадцать два. Внешность её имела взрослые черты, но при этом, она всё равно была прекрасна. Если Сэн-таzza имела ровные рыжие волосы, то у этой девушки они были чёрные и волнистые. Она также была очень бледной, как и все девушки, которые когда-либо появлялись на воде около корабля. Глаза у этой очередной красавицы были чёрными, а быть может, они были прозрачными, и в них просто отражалось ночное небо. Но это было не важно, вся внешность этой незнакомки не имела значения. Форт не смотрел на неё, но он слышал её голос. Бархатный голос, как у оперной певицы. Конечно, Форт никогда не знал и не мог знать какой голос у оперной певицы. Он даже не помнит, как познакомился со словом опера, возможно, кто-то на улице решил выделиться и блеснуть умом, выкинув это слово из своих уст.

Во время всего разговора, Форт даже не бросил беглый

взгляд на собеседницу. Он надеялся так обойти систему и не отдать себя во власть чувств. Но на самом деле, его план изначально был неидеален, поэтому не сработал должно. Форт всё ещё слышал голос девушки и мог влюбиться в него. В этот с одной стороны мощный, а с другой— нежный голос. Голос, которым можно было убить, которым можно было сломать, которым можно было управлять. Конечно, в конце концов диалог неминуемо кончится и голос перестанет звучать, но не в памяти. В памяти он будет болтать всегда. И вот, когда пара прощалась друг с другом, хотя этих двоих сложно было назвать парой, Форт всего на секунду взглянул на говорящую голову и успел уловить несколько интересных черт на её лице. Например, небольшой шрам на подбородке, который уже рассосался, но всё же оставил память о себе в виде белой линии. Также он заметил чёрные кудри девушки, показавшиеся ему сухими, и очень красные губы, так и просившие себя поцеловать. Уходя, красавица сочинила стих про Джулара, которого, исходя из её собственных слов, знать не могла, и улыбнулась на прощание.

Форт ещё около трёх часов стоял один у штурвала, пока к нему не подошёл Мор. Как бы ровно старик не держал свои спину, но на фоне мускулистого гиганта он всё равно казался мелким. Мор поблагодарил Форта, за то, что тот вновь заменил его, и уже сам подменил уставшего великана. Форт ушёл отсыпаться, ну а Мор, закинув новую порцию табака в трубку, принялся встречать рассвет и, конечно же, вести судно.

Форт уснул быстро, не только от того, что он был невероятно уставшим, но и от ужаса, произошедшего семью, восьмью, а может и девятью, кто ж считал-то, часами ранее. Ночью, хотя скорее ранним утром, море вновь запело и спящему Форту будто шептало:

– Люблю тебя, Адольфо,

Дай стать же твоею,

Твоею, твоею, твоею... – всё тише и тише нашёптывал голос, а когда он и вовсе пропадал, то начинал снова произносить сие строчки, потом опять, опять и опять. Так происходило до самого пробуждения Форта. Гигант проснулся днём, поэтому он пропустил момент приготовления завтрака, а ведь сегодня этот момент был очень интересным и даже увлекательным. Утром все были в смятении, и, конечно, в привычном понимании слова "готовить", они не готовили. Команда полакомилась сухарями, которые всегда были в запасах, съела немного овощей в сыром виде и запила всё вином. Форт проснулся прямо к обеду. Зайдя в камбуз, он окинул взглядом команду. Ребята были очень уставшими, у каждого были синяки под глазами, почти никто ни с кем не разговаривал. Все лишь активно жевали свой обед, ничем не отличающийся от завтрака. Удивительно, но из всей этой хмурой толпы выделялся Мор. Старик будто не замечал всего того ужаса, происходящего вокруг него: некоторые ребята плакали, другие безэмоционально закидывали сухари в рот, третьи и вовсе спали от изнеможения. Форт подсел к своим

товарищам, и начал расспрашивать о происходящем:

– Эй! – прошептал мужик. – Банкер, Аквюиль, Сторико! Что тут происходит, почему все такие измученные? Вчера такого не было.

– Было, Форт. И не только вчера, – ответил Сторико. – Просто вчера таких "измученных" было меньше, теперь их стало больше, без повара нам стало ещё хуже.

– Как ты выдерживаешь всё это Форт? – неожиданно спросил Банкер.

– Что всё?

– Ну ты же уже давно заменяешь Натта и от своей работы не отказываешься. За двоих работаешь. Как ты не устаёшь? Ты сколько спишь, Форт? – пристально смотря на великана и закидывая в рот новую порцию сухарей, спросил Банкер.

– А я по чём знаю, – почёсывая густую бороду, отвечал Форт. – Я просто силы беру из еды, а не из сна, – с этими словами гигант съел горсть сухарей. – Но ты вот что, Банкер, не обо мне беспокойся, а о себе и ребятах. Вон, взгляни на Червелла. А ведь Чингиал был его лучшим другом. И теперь парень не может найти себе место. Всё из-за этих...

– Ребята, честно должен признаться вам, – перебил Аквюиль. – Этим утром, стоя на смотровой, я увидел девушку.

– Русалку, – прошептал Форт.

– А вы ведь знаете, орлиный у меня взгляд, разглядеть для меня что-то – не проблема. Вот и её лицо я тоже с лёгкостью разглядел. Да так разглядел, что теперь забыть не мо-

гу. Всё утро у меня в голове её лицо, мне ещё кажется, что она мне улыбнулась... Вот решил, что обязан вам об этом рассказать.

– Так доложи капитану, – воскликнул Сторико. – пусть вся команда узнает.

– А толку то? – спокойно попивая вино, сказал Форт. – Ну узнает команда, что изменится? Ничегошеньки. Честно вам скажу, парни, я невероятно сильно хочу на сушу, и, если честно, только суша может нас всех спасти. Ни команда, ни капитан, каким бы великим я его не считал, никто. Может, Папа Римский поможет нам, но я думаю, у него и поважнее дела есть, – усмехнулся мужик. Вдруг в толпе кто-то окликнул Форта. – Что? – закричал великан.

– Ты чего, Форт?

– Да кто-то позвал.

– Никто тебя не звал.

– Правда? – удивился гигант. – Ну значит показалось, – слегка улыбнувшись, добавил он.

Форт ещё долго бы болтал с друзьями, но обед кончился, как и полагается любому обеду, поэтому великан попрощался с товарищами и пошёл работать. Как обычно, он таскал бочки, но в этот раз Форт почему-то постоянно чувствовал себя настороженно и нервно, ему постоянно казалось, что его кто-то зовёт. То голос из неоткуда кричал "Форт", то "дружище", а иногда даже "Адольфо". Но если первые два варианта ещё могли бы прозвучать в реальности, то третий

точно был ложным. Никто, никто на корабле не назвал бы Форта Адольфом, никто на корабле никого бы не позвал по имени, если есть прозвище. Каждый раз, когда Форт слышал позади себя имя Адольфо, он невольно поворачивался, но в ту же секунду понимал, что никто его звать так не мог, и разворачивался обратно. Это точно было дело рук той русалки—именно так думал Форт. Проносся в голове очередную похожую мысль, он даже на какое-то время задумался над тем, чтобы рассказать капитану о своём недуге, но почти сразу же отказался от столь хорошей идеи. "Это всё равно ничего не изменит. Я всё равно буду слышать эти голоса", — размышлял он. "Я всё равно буду ощущать себя небезопасно". Мысли Форта были абсолютно правдивы. Команда правда ничего не сможет изменить: ни помочь ему спастись, ни отдалить уже неизбежную смерть. "Неужели я покойник?", — спрашивал себя мужик. "Нет, я точно не покойник, я ещё обязан встретиться с женой и сыном", — думал великан. Да, кстати, Форт был женатым мужчиной, имеющим маленького сынишку и железное кольцо, туго сидевшее на его безымянном пальце. День, когда его сын родился, Форт не запомнил, жена рожала одна, мужчина в то время был на корабле. По приезду домой, женщина обрадовала его мальчиком. Форт знал, что у него будет ребёнок, но не знал сколько месяцев ему будет по приезду отца, не знал будет ли он мальчиком или девочкой, не знал будет ли светловолосым, как мать, или же переймёт цвет волос отца— он ничего не знал. Но всё же моло-

дой папаша увидел младенца, выяснил, что это мальчик, и что он темноволосый. С того момента прошло десять долгих лет. Когда Форт отплывал на корабле, мальчику было ещё десять, но вот-вот должно было исполниться одиннадцать. Правда из-за того, что отец так и не запомнил, когда у сына день рождения, он не мог быть полностью уверен, что ребёнок уже повзрослел на год. Знал лишь Форт, что у мальчика день рождения в начале осени, где-то в сентябре.

Возможно, то что Форт был женат и не давало ему сразу влюбиться в русалку. Но с другой стороны— на самом деле, это и не так уж сильно помогало. Если бы дева хотела влюбиться в себя мужчину сразу, она бы сделала это ещё прошлой ночью. Хотя ладно, какой смысл рассуждать над тем, что уже точно не произойдёт? Лучше следить за тем, что пробегает перед глазами здесь и сейчас. На данный момент Форт всё ещё таскает бочки, одну за другой. Удивительно, что его спина ещё не начала болеть от постоянного тяжёлого труда. Но похоже, что боли в его спине и правда не было, но зато были голоса в голове, что, вероятно, даже хуже. Великан не понимал, почему он постоянно слышит строчки:

– "Люблю тебя, Адольфо,
Дай стать же твоею,
Твоею, твоею, твоею..."

Постоянно! Уже целый час эти строчки не затихают в его черепной коробке. Последующие его действия были не очень интересны: он просто-напросто отвлекался на несуществу-

ющие голоса и медленно делал свою работу, потом ужинал (ужин у великана прошёл не очень спокойно), затем наступила ночная смена. Все вновь легли спать, а Форт опять вступил на свой несчастный пост. Не могу сказать, что мужику очень нравилась его дополнительная работа, но он не жаловался. Великан знал, почему он это делает, а также знал, для чего он это делает. Как вдруг, его ночное стояние за штурвалом вновь нарушила голова в воде.

– Привет, Адольфо,

Что делаешь, столь поздно? – будто шепча говорила девушка. Хотя шептать она точно не могла. Чтобы Форт мог хорошо её слышать на борту корабля, девушка точно должна была бы кричать, но мужик отчётливо слышал шёпот, будто кто-то стоит за его ухом.

– Управляю кораблем, не видишь? – как и в прошлый раз, не обращая на собеседницу никакого внимания, отвечал Форт.

– Вижу, просто думала,

Что ты ещё...

– Зачем ты опять начала со мной этот диалог? – перебил мужик. – Я не хочу умирать из-за тебя. Я и так уже слышу голоса, которые слышать не должен, и я знаю, что это всё ты. Просто отцепись от меня и убери свою дьявольскую магию, – после этих слов Форт посмотрел на девушку. Он хотел прогнать её взглядом, но, видимо, у него это не получилось. Вместо того, чтобы увидеть привычную голову, он уви-

дел и обнажённую грудь, из-за чего быстро смутился и опустил глаза. На удивление, неудачный жест Форты сработал, и неизвестная уплыла. Через какое-то время к Форту подошёл Мор.

– Вы ещё не спите? – удивился великан.

– Да, Форт, не сплю, – тихо ответил старик. – Я подумал, мало ли тебе наскучило быть тут постоянно одному, вот и решил заглянуть.

– Спасибо, сэр. Мне очень приятно знать, что вам не всё равно.

– Пожалуйста, Форт. Я вот что хотел спросить: вы ещё играете в карты по ночам?

– Нет, сэр. Мы перестали играть после того, как Натт пропал.

– Понятно... – опустив голову, ответил старик. Мор достал мешочек с табаком, чтобы подкинуть в трубку небольшую горсточку. – Оу... Прости, Форт, никогда не задумывался, а ты куришь?

– Нет, сэр.

– Понятно... – Мор закурил трубку. Светлый дым плавно полетел вверх. – Сколько мы уже знакомы, Форт? Ты не помнишь, а то я давно забыл.

– Нет, сэр, я не помню сколько мы уже знакомы. Я никогда не считал... Вероятно, более десяти лет, – добавил великан.

– Более десяти... – повторил старик. – Мы уже так давно знакомы. Честно тебе скажу, Форт, я пришёл сюда не про-

сто так. У меня уже который день бессонница, вот я и заглянул к тебе, всё равно не могу глаз сомкнуть. Вчера днём я чуть не уснул за штурвалом. А ещё мне кажется, что я вижу галлюцинации. – старик тяжело выдохнул. – Честно, ты теперь единственный, кому я доверяю. Был Натт, Чингиал и ты. Всем этим молодым я не доверяю, пытаюсь довериться, но никак не могу. А ещё же был Скуало, – старик сонно улыбнулся. – Я ведь тоже ему очень сильно доверял. Да, мы слегка недолюбливали друг друга, но я всегда знал, что Скуало не бросит. Этот хмурый старик никого не бросит...

– Да... Внутри Скуало был очень хорошим человеком.

– Ага... А теперь остался только ты... – на глазах старика впервые за долгое время появились слёзы. – Знаешь, я постоянно виню себя за то, что так редко с вами болтаю, это же неправильно. Я должен поддерживать с вами некую связь, дружескую связь... Знаешь, я ведь разговаривал с Наттом, тем вечером. Мы говорили о его семье, у него есть пять... нет четыре, три брата. Или же, – в эту секунду старик понял, что забыл сколько братьев было у Натта. Честно говоря, он и не был уверен, что у парня вообще были братья. – Ладно, – Мор опять поменял тему разговора. – Спасибо, что ты есть у меня. Спасибо за то, что ты всегда поможешь. Спасибо за твою доброту. Спасибо за... – в эту секунду в голове старика что-то щёлкнуло: он просто обнял гиганта. – Спасибо, человеческое тебе спасибо.

– Сэр... – не понимая что происходит, произнёс Форт. Его

руки медленно обняли старика в ответ.

– Ладно, – Мор отпустил великана. – Я должен пойти спать, чтобы подменить тебя днём. Прости за все эти душеизливания, просто на меня всё это сейчас так давит. А я же старый, – последнюю фразу Мор произнёс не как капитан корабля, он произнёс её в первую очередь, как человек, который может умереть, человек, стареющий с каждым днём, человек, теряющий свой рассудок, человек слабый и дряхлый. Он был кем-угодно на тот момент, кем-угодно, но только не капитаном. Его треуголка вся намокла, табак в трубке также стал влажным, красивые перчатки частично протёрлись. Мор держал спину, как всегда невероятно ровно, чтобы выглядеть достойно, но всё равно был похож на немощного старика, которого нарядили в красивую форму.

– Неважно, что вы старый, сэр. Сколько бы вам не было, сэр, вы останетесь капитаном. Капитаном этого судна. Капитаном этой команды. . . Но в одном вы правы, вам пора спать.

Мор улыбнулся.

– Конечно Форт, спокойной ночи, и храни тебя Отец.

– И вам того же, сэр.

Тяжёлым взглядом Форт провожал капитана до лестницы, пока силуэт не ушёл под палубу. Теперь он вновь один, ожидает, когда кончится очередная ночная смена. Вода сегодня была особенно чёрной, как нефть. Корабль всегда двигался вперёд, похоже, что ветер решил не переставать дуть в нужную сторону для наших героев. Ночь была очень спокойной,

ветер не шумел, а море не пело. Но вот голоса в голове Форты не прекращали говорить, они не затыкались вовремя разговора с Мором, с незнакомкой, не молчали, когда Форт ни о чём не думал или наоборот, когда его голова была забита различными мыслями. Это очень сильно раздражало. Навероятно. Слова, слова, слова! Часто несвязные между собой, по типу: "Убей, любовь". Иногда между этими выбросами, проявлялись стихи про любовь, иногда про жизнь или смерть, про ревность, про насилие, про избиеение детей, про изнасилования, про убийства, про воду! Про чёртову воду!!! Стихи про воду?! Кто сочиняет про воду, кто читает про воду?! Кто читает про убийства, изнасилования, про избиеение детей?! Про педофилию?! Зачем, зачем про всё это читать, зачем про всё это писать?! Ах... Я просто, просто... Ладно, что-то мы отошли от темы.

Вода! Во всех стихах, которые слышал Форт внутри своей головы, так или иначе встречалась вода. Эта жидкость, в которой вроде нет никакой опасности, которая наоборот, помогает нам освежиться, не так ли? Я давно уже не пью воду, предпочитаю вино. Да, из-за него пьянеешь, ну и что? Форт тоже пьянел, но не от вина, а от слов в голове. У гиганта появилось чувство преследования. Чувство, что он не один. Голова у великана кружилась, сегодня ему точно нужно будет поспать подольше.

- Скоро утро, – затыкая голоса в голове, повторял Форт.
- Отец, чёрный, убей, люблю, измена, святыня, – будто в

ответ на его слова говорили голоса в голове.

Но Форт всё равно повторял два слова "скоро утро", и в конечном итоге утро и правда наступило, пришёл немного сонный Мор, видимо, не успевший выспаться из-за говорливой ночи. Старик заменил гиганта и вновь взял корабль под свой полный контроль. Форт же побежал к постели, и неминуемо уснул. Во сне ему... Ничего не приснилось. Форту вообще редко что-то снилось. Кажется, что его мозг просто отказывался фантазировать. Отказывался придумывать даже самые простые картинки. Но отсутствие воображения не мешало Форту слышать голоса, нежно нашёптывающие ему на ухо:

– Люблю тебя, Адольфо,

Дай стать же твоею,

Твоею, твоею, твоею...

Днём его голова могла быть забита чем-угодно, но вот ночью звучало одно и то же. Три строчки, которые совсем не мешали спать, но будто гипнотизировали. Давали слишком сильное спокойствие, расслабляли тело настолько мощно, что парализовывали. Мозг уходил этих слов не в сон, а, скорее, в кому. Становилось настолько легко, что могло показаться, что сама душа медленно покидает тёплое тело. Немело всё: руки, ноги, шея— от кончиков пальцев, до корней волос на голове. Но уже через несколько часов ужасающего умиротворения, всё тело Форта резко пробудилось, и мужик открыл глаза. Гигант натянул штаны и пошёл в кам-

буз. Почти всегда Форт просыпался к обеду, в этот раз он также не проспал это событие. Правда он чуть-чуть опоздал к началу перекуса, его друзья уже болтали о чём-то. Сегодня на завтрак, обед и ужин были сухари, мясо птицы, да вода.

– Представляете, она звала меня этой ночью, – выразительно повествовал Аквюиль друзьям, сегодня он был более радостным, чем обычно. К столу подсел Форт.

– О чём болтаете?

– Да вот, рассказываю ребятам, про ту девушку. Оказывается, тогда на смотровой, она и в правду смотрела на меня, и мне также не показалась её улыбка. Сегодня ночью приплыла ко мне, сначала звала меня, а потом, когда мы встретились, плакала о проблемах. Так досадно, что я в тот момент был на палубе, а не рядом с ней. Я мог бы приобнять её если бы мы сидели на лавке, например.

– Ты влюбился в неё, Аквюиль, – перебил Форт. – Это очень опасно. Перестань с ней общаться, как бы не было тяжело, иначе, боюсь, ты можешь погибнуть.

– Ну знаешь, я хотя бы признаюсь в том, что люблю её, – неожиданно серьёзно вставил Аквюиль.

– Это к чему сейчас?

– К тому, что я не скрываю от друзей, что болтаю с ней, и что мне это нравится.

– Я всё равно не понимаю.

– Она рассказала о тебе, Форт, рассказала, что ты болтаешь с ней по ночам. Интересно, почему ты не рассказал об

этом нам, – смотря на Сторико и Банкера, продолжал Аквюиль.

– Я ни с кем по ночам не болтаю, – стиснув зубы, оправдывался Форт.

– Тогда почему же она решила поговорить про тебя, – спокойно говорил Аквюиль. На его лице была заметна лёгкая улыбка. – Она заметила твои подглядывания на её грудь и плечи. Понимаю, признаться, что тебе нравится другая девушка, когда есть жена...

– Не переходи грань, Аквюиль. – перебил Форт.

– Ладно, прости, – также спокойно извинился парень. – Но я всё равно знаю правду.

– Почему ты не рассказал нам, Форт? – удивлённо влез Сторико.

– А смысл?

– Смысл в том, что мы твои друзья, – тихо сказал Банкер. – Дружба строится на доверии, – серьёзно добавил он.

– С чего ты взял, что я вам не доверяю? – зло спросил Форт.

– Ты скрыл от нас её, – ответил Аквюиль.

Вдруг Форт стукнул по столу обеими руками и ушёл из камбуза. Абсолютно каждый услышал и увидел его недовольство. Форт же двинулся в сторону своей каюты. Он сел на кровать. Неожиданно, гигант встал, начал ходить по комнате, вырисовывая разными непонятными жестами такие же непонятные рисунки. Его пальцы то не до конца сжимались в

кулак, то выпрямлялись в растопыренную ладонь. Форт принялся жаловаться и оправдываться вслух, он понимал, что никто его не слушает и слышать не может, но когда он произносил отмазки, придумывающиеся ежесекундно, ему становилось легче.

– Вот зачем, зачем мне было рассказывать о ней? Зачем?! Ах... Что за несправедливость. Надеюсь, ты слышишь меня, Папа. Надеюсь, веришь в то, что я прав, – пока Форт выговаривался Отцу римскому, он сам не успел заметить, как заплакал. Удивительная картина: стальной гигант богатырь плачет, как маленький ребёнок. – Я же прав, Папа? Не молчи, пожалуйста, не молчи. Я увижу сына, Папа? Я увижу своего любимого сынишку? Почему ты молчишь, Папа, почему ты молчишь? – как ребёнок, как маленький несчастный ребёнок он задавал вопросы, не надеясь получить на них ответы. Форт плакал тихо, чтобы не привлечь ненужного внимания. Неожиданно для самого великана, голоса в его голове, которые обычно говорили что-то несвязное или грязное и грубое, сейчас утешали Форту. Ему даже показалось, что это голос самого папы. Но позже он понял, что это был тот же самый женский голос, который рассказывал ему разные стихи, и который мучал его на протяжении этих долгих двух дней. Он до сих пор будто нашёптывал Форту на ухо слова, связанные рифмой. Но эти слова были не простой дребеденью, они были лучшими словами, которые когда-либо слышал Форт. Ни Мор, ни жена, ни Папа не смогли бы успоко-

ить его, подобрать слова, хотя бы косвенно схожие сегодня с теми, которые слышал Форт от этого голоса. Мужичина перестал плакать, его кисти успокоились, стихотворение в его голове подходило к лаконичному концу:

– Встретимся ночью,
Мой славный храбрец,
Позднюю ночью

Мой муж и вдовец, – после этих слов голоса замолчали. По-настоящему замолчали, не взяли лёгкую передышку, а полностью исчезли!! Но кажется, Форт не заметил этого, его лишь зацепило последнее произнесённое голосом слово.

– Вдовец? – недопонимая, повторил он. – Почему вдовец?

Быть может, голос просто закончил этим словом рифму, не обращая внимания на смысл произнесённого. Он мог сказать, что-угодно: отец, купец, беглец, венец. Но выбрал вдовец, вероятно потому, что именно это слово пришло голосу в голову первым. Ха! Интересный парадокс, голос то в голове Форты, а значит, что именно в его голову пришло это слово. Эх... Если бы у него и правда не было жены, он мог бы прямо заявить, что любит ту девушку, которая является ему по ночам. Стоп, что?! То есть он правда любит её?! И правда скрывает это? Нет, нет, нет. Он влюбился в неё. Форт уже давно начал понимать, и это его не на шутку пугало. Когда он сказал Аквюлию: "Ты влюбился в неё...", он также говорил это и себе. Ну конечно! Конечно...

Форт вышел из каюты и направился в сторону камбуза с

фальшивым спокойствием на лице. Обед уже кончился, но он всё равно должен был успеть попасть в столовую, пока ещё никто не ушёл, лишь для того, чтобы показать то самое натянутое спокойствие. Сделать так, чтобы никто не задал ненужных вопросов и, не дай бог, не доложил Мору о странностях в его поведении. Плохого не случилось, Форт продолжил держать секрет у себя в голове. Конечно, тот самый секрет уже не был секретом в полную меру, потому что как минимум для Аквюиля та тайна, которую так трепетно пытался сохранить Форт, тайной не являлась. Впервые гигант поймал себя на мысли, что хочет встретиться с девушкой и поговорить. Поболтать, но в этот раз без барьера, мешавшего Форту провести диалог нормально в прошлые разы. "Жена всё равно не узнает про неё, если никто не узнает про неё" – размышлял Форт. "Проведу остаток этого дня спокойно, и тогда никто ничего не заподозрит".

До ужина великан вёл себя, как ни в чём не бывало: таскал бочки и в общем помогал команде, как обычно. Команда, конечно, выглядела очень-очень плохо, похоже, что абсолютно каждому моряку уже хотелось поскорее домой. И зрелым мужчинам, и молодым паренькам. Для кого-то это путешествие было лишь первым, а для кого-то окажется последним. Интересно, перестанет ли Мор после такого ужаса плавать в огромном океане? Будет ли отговаривать детей, если они вдруг захотят стать моряками. Хотя может, зря я наговариваю на старого капитана. Он ведь чего только не ви-

дел, и как Скуало пожирали акулы, и как ещё юные морячки случайно падали с борта прямо под нос корабля, как ломались кости, как трескались черепа, как в корабль била молния, как некоторых сносила буря и топила в бурлящей воде. А прямо сейчас, он готовился к ужину. Печально, что его любимый повар был мёртв, что его молодой ученик пропал без вести, а единственный друг сидел через несколько столов от него, болтая с другими моряками. Мор ел безвкусные сухари и пил ужасную воду, отдающую тухлятиной. Старик сидел один, держа спину ровно и даже не снимая треуголку. "Только бы табака хватило до конца пути", – это были единственные мысли, посещающие его по правде пустую голову.

Пока Мор скучающе сидел за пустым столом, Форт болтал со своими друзьями, терпеливо дожидаясь момента, когда он сможет остаться со штурвалом наедине.

– Ещё раз простите за то, что случилось утром.

– Ты хотел сказать днём, – с улыбкой поправил Форта Банкер.

– Для кого день, а для кого утро, – развеселился мужик.

– Ну ладно, и ты меня, Форт, извини. Я тоже перегнул палку. Если хочешь, я не буду больше поднимать эту тему, – с добротой произнёс Аквюиль.

– Спасибо, Аквюиль. Спасибо вам, ребята, – держа улыбку во весь рот, радовался Форт.

Хороший был ужин. Мне кажется, что эти четверо даже на время забыли про весь тот ужас, произошедший за то долгое

время, что они находились на корабле. Закончив есть, все пожелали друг-другу спокойной ночи и разошлись по каютам. Остался только Форт, сам с собой наедине. Вполне реальная улыбка слетела с лица гиганта, как только тот вышел на палубу. Форт подошёл к штурвалу и крепко схватил его, ожидая появления русалки. Но русалка не появлялась. Прошел час, прошло два, никто не явился. В эту ночь было очень ветрено, тёмная густая длинная борода Форта плавно развевалась, голое тело мужика немного покрылось мурашками. Вдруг великан услышал, чей-то плач. Плакал определенно мужчина, возможно, это был... Хотя, с чего я взял, что могу знать, кто это. Грустно, наверное, стоять одному, обдуваться морским ветром, слышать, как кто-то плачет и понимать, насколько ты одинок. Где сейчас твоя жена, Форт? Может быть, она изменяет тебе с первым встречным, может твой любимый сынишка голодает четвертый день, а может он стал чьим-то рабом. Может кто-то оклеветал твою жену, и сейчас она горит на костре, как чёртова ведьма. Ты знать не знаешь, что сейчас с твоей семьёй Форт. Может ты и в правду уже вдовец...

Вот уже пошёл третий час, а он всё ждёт её, всё ждёт смерти. Чингиал, Джулар, да и Натт вероятно тоже, все они погибли из-за таких, как она, но даже осознавая это, он всё равно ждал. Форт уже сошёл с ума, но самое страшное, это не то, что он понимал это, а то, что он не был против этого. Любовь убивает? Нет, любовь сводит с ума, а дальше всё делает

сам человек.

– Я смертник. Я предатель. Я вдовец, и я люблю её, – будто выдавая себе приговор, прошептал Форт. Как вдруг появилась она, девушка выплыла из тёмной воды по пояс, осветив свое обнажённое тело.

– Привет, смертник.

Здравствуй, предатель.

Доброй ночи, вдовец,

А в общем– любви моей венец. – улыбаясь, сказала девушка.

– Привет, – впервые Форт улыбнулся ей, впервые не побоялся посмотреть ей в глаза. Теперь он мог в полной мере разглядеть её лицо, оно было круглой формы. Её кудрявые чёрные волосы прикрывали плечи, но при этом не доходили до груди. Форт также наконец-то понял, что она и правда имела чёрные как ночь глаза, немного отдающие волшебным фиолетовым цветом. – Я люблю тебя. Я люблю твой голос, я люблю твою красоту, и я знаю, что у тебя нет ног. Вместо них у тебя рыбий хвост, но я всё равно люблю тебя.

– Ну дай мне верёвку,

И я наверху.

Форт выполнил просьбу любимой, и вот уже нежные руки крепко обхватили верёвку. Гигант потянул за верхний конец и вот уже через несколько секунд на палубе стало на одного человека больше. Как только девушка начала перелезать борт, Форт сразу же понял, что хвоста у неё нет! Она была

полностью обычной девушкой.

– Но как? Как ты дышишь под водой и как плаваешь?

– Это неважно,

Вовсе неважно, – с этими словами она неаккуратно упала в объятия Форта. Крепкие руки нежно удерживали хрупкую девушку. Похоже, что худенькие ножки её никогда не стояли на твёрдой поверхности. Вдруг русалка повернулась к гиганту спиной и облокотилась на его грудь.

– Ты не очень уж и высокая, – сказал великан.

Девушка засмеялась.

– Я высока,

Просто ты выше.

Я девушка,

Поэтому и ниже.

– Да, – улыбнулся Форт. – Прямо, как моя...

– Кто? Жена?

Ну же, поцелуй меня

И забудешь её навсегда, – с этими словами она потянулась к нему, но поцелуй не состоялся.

– Почему, Форт?

Неужели жена,

Тебе помешала? – голос её неожиданно стал очень серьёзным. Она отошла от него, с разочарованием на лице. На удивление её ноги стояли ровно и твёрдо. Девушка начала ходить по палубе разводя руками в стороны. Она говорила, что Форт жалок если не может поцеловать её. Если не может

забыть про жену. Вся женственность и красота оставались с ней, но поведение изменилось. Из милой и спокойной, она превратилась в жестокую и грубую. Слова её были грязны, а сама девушка была больше похожа на ведьму, чем на чудесную морскую деву. По сравнению с ней, Форт и правда выглядел жалко, гигант стоял и молча выслушивал претензии. Одна, вторая, третья... Внутри него всё кипело, он был зол на себя. "Зачем я дал попасть ей на борт, если не для того, как поцеловать?", – спрашивал себя Форт. А девушка все причитала и причитала. Вдруг к её словам неожиданно присоединился голос в голове. Он повторял сказанное девушкой, как эхо, но намного громче. В конце концов, все эти голоса заставили Форта сесть на колени, крепко сжав свою голову, сказать:

– Прекрати, пожалуйста, прекрати, – тихо говорил Форт, но голоса не умолкали. Тогда мужик заорал. – Заткнись! Закрой свою пасть!! – голоса стихли. Настал долгожданный покой, но чего он стоил? Перед Фортом стояла заплаканная возлюбленная, когда он понял, что натворил, было уже слишком поздно.

– Не трогай меня,

Я уже не твоя.

Аквюиль говорил,

Говорил мне беги. – плакала девушка.

Но я не верила, что ты такой.

Думала Форт другой.

Дай мне уйти,
Дай покинуть корабль.
Дай разбиться о скалы,
И не встретить любовь.
Аквюиль был прав,
Либо он, либо ты.
Жалко, ошиблась...
Ведь это не мы.

– Не выбирай Аквюиля, пожалуйста. Молю останься. Молю, – со слезами на глазах просил Форт. – Неужели ты не видишь, как мне плохо?

– А ты? Ты видишь?

Боль в глазах, видишь?

А сердца стук, слышишь?

Дыхания тягу? – глядя в лицо Форта, спрашивала девушка. Она опечаленно покачала головой.

– Аквюиль– моя жизнь.

Аквюиль– моя смерть, – с этими словами девушка разбежалась и прыгнула в воду. Чёрную, как нефть... Прыгнула и растворилась. А Форт всё сидел на коленях и плакал. Слезы текли по его бороде и падали на ровную палубу.

– Аквюиль... – прошептал Форт и в его голове сразу же вновь появились голоса.

– Убей, отомсти, убей.

Вдруг и море запело, это пение наполнило Форта яростью. Его глаза стали красными, голова начала дёргаться из сторо-

ны в сторону. Лицо его было безумным, а взгляд безжалостным.

– Аквюиль!! – протяжно заорал Форт. Хотя от Форта в этом человеке мало, что осталось. Гигант побежал в сторону своей каюты, так совпало, что делил он её именно с беднягой Аквюилием.

Была ночь. Мор проснулся от громких криков толпы. Откуда именно доносились звуки, не дающие старику уснуть, он не понимал. Мор медленно начал одеваться и уже готовился хорошенько отчитать ночных крикунов. Нарядившись в привычную для себя форму, капитан вышел в тёмный коридор. Крики не прекращались. Около каюты Форта и Аквюиля собралась огромная толпа. Увидеть то, на что они смотрели, не представлялось возможным, особенно, для такого низкого старика, как Мор. Пусть он вытянет свою спину ещё сильнее и встанет на цыпочки, всё равно единственное, что он увидит, это будут головы ребят, окруживших вход в каюту.

– Что тут происходит?! – закричал Мор. – А ну разойдитесь! – приказал он.

Команда немедленно разошлась. Подойдя ко входу в каюту, Мор застыл в ужасе. Он не вскрикнул, не отпрыгнул назад, нет, капитан просто остановился. Перед ним лежал Аквюиль. Лицо парня было полностью залито тёмной кровью. Зубы его были раскинuty по комнате. А рядом с телом сидел

Форт, продолжая наносить ужасающие удары. Лицо Аквюиля медленно превращалось в какую-то непонятную субстанцию из костей, крови, мозгов, глаз и других органов. Иногда Форт бил по груди парня обеими руками, из-за чего его тело подпрыгивало, а грудная клетка трещала.

Сам гигант выглядел сильно потрёпанным. Его чёрная борода в некоторых местах была вырвана с корнем, оставив кровоточащие ссадины. Глаза его были также наполнены кровью, красные сосуды так и хотели лопнуть. Его лысина была полностью разодрана ногтями. Форт больше напоминал голодного зверя, чем человека. Монстра, тяжело дышащего и безумно смотрящего на других, ещё не поддавшихся его жестокому суду, людей. Никто не осмеливался подойти к этому зверю, никто кроме капитана корабля.

– Что?! Что ты делаешь, Форт?! – закричал Мор. – Немедленно остановись, это приказ!

Вдруг Форт и правда остановился, он медленно встал и посмотрел на старика.

– Ты... – голосом самого дьявола сказал Форт. Человеческого в нем уже давно ничего не осталось. – Ты...

– Да, это я, Форт. Пожалуйста, прекрати, – аккуратно просил Мор. – Не нужно этого. Ааа!! – Форт неожиданно подбежал к капитану и, подняв его за камзол, со всего размаха ударил об стену. Увидев это, команда начала пытаться помочь Морю, но Форт не чувствовал их ударов, он продолжал держать старика.

– ПОЧЕМУ?!! – орал Форт. Только сейчас Мор увидел безумное лицо гиганта, только тогда, когда он был в паре сантиметров от великана. – ВОЗОМНИЛ СЕБЯ ВЫШЕ?!! НИКАКОЙ ТЫ НЕ КАПИТАН!!! – задышался Форт, из его рта летели слюни, а голова тряслась из стороны в сторону. Никогда, никогда Мор не видел Форта таким. – ЛИШЬ ЖАЛКИЙ СТАРИК!!! ЖАЛКИЙ СТАРИК!!! СМЕ-Е-ЕРТЬ!!! СМЕРТЬ ТВОЯ НАГРАДА!!! – с этими словами Форт кинул Мора в сторону кроватей, из-за чего тот, ударившись об деревянную ножку головой, потерял сознание...

Проснулся старик неизвестно через сколько. В каюте уже никого не было, кроме Аквюиля, хотя уже было трудно сказать, точно ли именно Аквюиль сейчас лежал около Мора. Он медленно поднялся и двинулся в сторону. С головы Мора текла густая кровь, переходящая на правую бровь, а далее падающая на его нижнюю губу. Треуголка слетела с него во время падения, поэтому сейчас любой мог лицезреть его большую лысину. Спина окончательно скривилась, поэтому Мор больше не мог держать её ровно, из-за чего стал ещё ниже. С его правой руки слетела перчатка, а на левой она почти полностью стёрлась, из-за чего мизинец и безымянный палец на половину оголились. Мор снял свой уже непригодный для носки камзол и остался в одних рубашке и жилетке. Медленно двигаясь по коридору, он увидел лежащего Форта. Монстр жадно хватался за воздух, но у него не очень то получалось. Вокруг него лежали ещё четверо, правда они не

просили воздуха, они уже ничего не просили. Все пятеро были в крови. Мор безэмоционально посмотрел на лежащего гиганта. Форт же просто смотрел в потолок. Старик двинулся дальше.

Подходя к очередной каюте, старик решил заглянуть вовнутрь комнаты. В углу неподвижно сидел Червелл. В руке его был осколок стекла. Он перерезал себе горло осколком от очков, в которых одно стёклышко было чуть больше другого. Мор присел рядом, старику нужно было передохнуть. Держась за голову, он спокойно смотрел на Червелла.

– Это сон? – тихо спросил старик. Но труп не ответил. – Я уже ничего не понимаю.

Вдруг в дверном проёме промелькнул человек. Увидев это, Мор попытался окликнуть его, но все звуки, которые выходили из глотки старика, не были на это способны. Мор не кричал, а, скорее, громко шептал. Поняв, что голосом человека он позвать не сможет, старик встал и двинулся к коридору. Но стоило ему выйти из каюты, как в него тут же врезался парень.

– Капитан? Это вы? Простите я вас не узнал. Вы живы? – удивился он.

– Эспресс? Что, что происходит? И что произошло?

– Нам нужно куда-то присесть, капитан, – они зашли в очередную каюту и сели на деревянную кровать.

– Когда Форт отбросил вас, он перешёл на нас. Мы долго боролись с ним, но в конце концов... – вдруг в каюту забежал

ещё один мужчина, он плакал и громко кричал.

– Я больше не могу это слышать, пусть пение кончится! –
крючился он в углу.

– Какое пение? – недоумевая, спросил старик.

– Разве вы не слышите? – удивился Эспресс. – Оно звучит
с того момента, как мы остановили Форта. – парень начал
пытаться помочь мужчине бьющимся в истерике. Старик же
просто смотрел на всё это, ничего не предпринимая.

– Что было дальше? – спокойно спросил он.

– Капитан, давайте чуть позже, сначала надо помочь ему.

– Ну... помогай ему, – заторможенно отвечал Мор. Ста-
рик медленно поднялся и двинулся в сторону выхода.

– Куда вы?

Мор не ответил, лишь шёл вперёд. Из-за того, что Форт
бросил его об стену, у него случилось сильное сотрясение,
и поэтому всё, что делал старик, было заторможено и замед-
лено. Вдруг, пока он шёл по коридору, ему навстречу начали
бежать люди, они словно не замечали Мора. Бились с ним
плечами, а иногда и вовсе сталкивались, из-за чего оба па-
дали, но потом вновь вставали и продолжали путь. Без свое-
го костюма Мор был обычным стариком, который в добавок
только мешал. Все бегущие кричали три слова: "Пожар на
корабле". Самое плохое, что может случиться на судне– это
пожар, и он случился. Огонь вспыхнул где-то внизу и быст-
ро поднимался вверх. У них было двадцать, а быть может и
десять минут до того момента, когда они либо сгорят зажи-

во, либо потонут.

Мор наконец-то поднялся на палубу, прямо на его глазах недопират Просперо прыгнул с корабля в воду, его последними словами были:

– Вот он весь я, дорогая!

Но у старика не было уже времени реагировать на всё это: на бегущих, кричащих, дерущихся моряков, на тех, кто прыгает с корабля, в надежде спастись или обрести любовь, на огонь, сочащийся из под палубы и обжигающий пятки.

– Как мне спастись? – это была единственная мысль в голове Мора. – Как мне спастись? – Вдруг он вспомнил одну вещь, которая была способна спасти его. На корабле лежала маленькая лодочка на двух-трёх человек. На ней иногда спускались на воду, чтобы половить рыбу или же для того, чтобы искупаться. Но где была это чёртова лодка сейчас? Мор усиленно пытался вспомнить...

– Припасы, хранящиеся наверху, задний борт, слева от капитанской каюты, она стоит прямо перед входом!! – Мор немедленно побежал в сторону лодки. – Только бы она была там, только бы не сгорела, – нервно повторял он. А в это время пламя дошло до верхней палубы. Крики медленно начали стихать. Подбежав к своей каюте, Мор увидел долгожданную лодку. Она была полностью цела, удивительно, что никто на корабле не подумал о ней. Старик улыбнулся, но радоваться ещё было рано, нужно было спустить лодку на воду. Мор закричал о помощи, и только в этот момент понял... что явля-

ется единственным человеком на этом корабле. Вокруг него лежали только трупы, только бездушные тела, которые пожирал огонь. Никто не сможет ему помочь. Либо он сторит на этом корабле, либо стащит эту чёртову лодку на воду. – Я здесь не сдохну, – с этими словами старик потянул лодку к краю обвалившегося борта. Но силы покидали его быстрее, чем он рассчитывал, ноги больше не хотели двигаться. – Иисус, дай мне сил, – заплакал старик. – Иисус, дай мне сил, молю. Молю, я не хочу умереть в огне, – впервые за свою долгую жизнь старик просил о помощи Иисуса, а не Папы. Он любил Отца невероятно сильно, но в этот раз попросил у другого. И другой помог, Мор почувствовал силы, он неожиданно для себя собрался и продолжил толкать несчастную лодку вперёд, деревянное сооружение плюхнулось на воду. Мор, не думая прыгнул вслед и приземлился рядом. Старик залез вовнутрь, взял два весла, лежавшие внутри, и начал гребти из последних сил. Смотря на тонущий корабль, он размышлял:

– Говорят, капитан покидает корабль в последнюю очередь, но что если на корабле изначально только он. Он ведь будет первым, кто покинет судно. Что в таком случае ему делать? А вдруг на корабле всё-таки кто-то был, вдруг он также, как Мор молил о помощи, но его бог в этот раз обошёл стороной? – эти мысли пугали старика. Когда Мор убедился в том, что находится на порядочном расстоянии от обломков корабля, он наконец-то прилёт и моментально уснул.

Прошло... Ах, откуда мне знать сколько прошло, быть может день, а может пять минут. Когда Мор отплывал от корабля была глубокая ночь, теперь же, когда он очнулся была вновь глубокая ночь. Из этого можно сделать вывод, что старик скорее всего пролежал в лодке целый день, но ведь это же всё равно информация неточная и непроверенная. Море на этот раз не пело, а было даже очень тихим и спокойным. В стоячей воде лодка была недвижима. Вокруг маленького судна стоял туман. Около Мора, примерно в метрах пяти с каждой стороны, тумана не было, всё было прекрасно видно, но вот далее, будто стояла толстая беспросветная стена. Вдруг пошёл дождь, он начал размывать засохшую на лбу Мора кровь. Старик же просто лежал и тяжело смотрел на тёмное небо. Сон совсем не придал ему сил.

– Никогда не видел туман и дождь в море одновременно, – прошептал старик.

– Я тоже, – зазвучало море, оно начало светиться голубым, из-за чего ночь стала куда более яркой. От неожиданности старик сел, это был очень знакомый для него голос. Мальчик Натт, с ним говорил никто иной, как он.

– Что это?! Я сошёл с ума? Или же так выглядит ад?

– Нет, мистер Мор. Вы просто сбились с пути.

– С какого пути, Натт?

– С того, который так старательно пытаетесь нащупать. Я помогу вам его отыскать. Взгляните на воду, неужели она вас не привлекает. Этот свет, сочащийся из неё, он излечит вас.

Не только физически, но и душевно.

Стоило Натту начать говорить про воду, как Мор сразу же понял в чём дело.

– Ты не Натт. Ты его голос, но не он.

– Нет, мистер Мор, я именно Натт. Мальчик, у которого четверо братьев, всего нас пятеро. Зовут меня Амадео. Мне пятнадцать. Но я не обижен тем, что вы меня не узнали. Я и правда сильно изменился под водой. Оказывается, там куда лучше, чем я представлял. Сначала, когда я попал туда, я задыхался, но уже через несколько минут дышал полной грудью. Мир под водой, он лучше, чем тот, что на суше. В нём нет убийств, болезней, насилия, королей, в нём нет бога, мистер Мор. Некому нами править, некому нас убивать.

– А разве хорошо жить без бога, Натт? Без Пап? Вера помогает людям, она нас направляет.

– Почему вы до сих пор верите в бога, мистер Мор? – перебил голос. – Разве вы счастливы, что оказались здесь? Разве бог когда-нибудь помогал вам? Скажите, мистер Мор, получила ли помощь ваша жена, когда умирает...

– Не смей! Не смей заикаться о моей жене мальчишка!

– Помните, что вам сказал доктор? – невозмутимо продолжил голос. – "Более я помочь не в силах. Если завтра она продолжит кашлять кровью, то утром же сгорит в огне. До встречи, бог вам в помощь." Помните, что случилось далее? На следующее утро?

– Помню! – крикнул старик. – Конечно, я помню! Я смот-

рел на всё это своими собственными глазами! Я всю свою никчёмную жизнь пытаюсь забыть её лицо в тот момент. Её молодую кожу, слезающую с лица из-за пламени. Её обугленное тело, оставшееся после пожара. Знаешь, что они сделали, когда костёр полностью потух? Подожгли его вновь. Никто на этой планете мне не был дороже её. Никто. Теперь уж точно. Все мертвы, абсолютно все, – старик заплакал. – В тот момент, когда она горела. Это был момент, когда я чувствовал себя настолько беспомощно, я стоял в толпе и не мог ничегошеньки поделать с этим. Не мог уйти, не мог отвернуться, не мог не кричать "умри"... Поверь мне на слово, Натт, лучше мне там не будет, мне было хорошо на корабле, а теперь и корабля нет. Лучше я умру с голоду в этой лодке, чем соглашусь опуститься под воду.

Неожиданно около лодки всплыла девушка. Такое резкое появление напугало Мора.

– Удивительно, – сказала она. – Старик выбирает голодную смерть, а не сытную жизнь.

– А вот и ты, да? Та, что убила всю мою команду.

– Что?! Нет, нет, нет. Я никого не убивала, сирены вообще никого никогда не убивают.

– Ну тогда сделай одолжение. Убей меня, – уставши сказал старик.

– Нет, – улыбнулась девушка. – Я не убью тебя. За меня это делает голод.

– Мне говорили, что вы разговариваете стихами.

– Да, разговариваем. Но обычно это делается для того, чтобы обворожить кого-то, – опустил голову на лодку, сказала девушка.

– Так и будешь смотреть, как я умираю?

– Да.

– Зачем, зачем вы заставляете нас умирать? Зачем сводите с ума?

– Что?! – удивилась девушка. – мы лишь ищем себе мужей, кто же виноват, что все оказываются сумасшедшими.

– До вас они были обычными людьми, – обозлился старик.

– Нет, нет, нет. Вы уже рождаетесь сломанными, понимаешь? Любовь сшибает голову, спору нет, но с чего же мы виноваты в этом. Ты ведь ни в кого не влюбился, верно?

Мор молчал. Девушка залезла в лодку. Старик заметил, что у неё были две обычные ноги.

– То есть про хвост, Соньятор, всё же приврал.

– Хвост? Ну хочешь, могу превратить ноги обратно, я и рыба, и человек. Могу и не только ногами стать рыбой. Для тебя же стараюсь, мне кажется, привычнее видеть обычную девушку, чем необычную.

– Пока ты болтала я мог бы уже ударить тебя веслом и задушить.

– Но всё же этого не сделал, – перебила девушка. – Ты слишком стар и слаб. Тем более, я знаю, что ты не можешь убить меня. Я слишком молода и красива.

– А ещё наивна и высокомерна.

Девушка громко засмеялась, в эту же секунду кончился дождь, остался только туман, да свечение воды.

– Ты совсем не умеешь вести диалог, старик. Тебе бы смягчить тон. Знаешь, где ты сейчас находишься?

– Нет.

– Ну хотя бы примерно.

– Нет.

– Мы почти в Саргассовом море, за мной Америка, позади тебя Европа. Куда двинешься?

– Никуда, пора мне уже встретиться с женой.

– Как хочешь, выбор за тобой, – девушка поцеловала обесиленного старика в щеку и прыгнула в воду. Лодка осталась на месте. Мор просто смотрел на тёмное небо и ожидал смерти. Вдруг на него упала рыба, он инстинктивно сжал её в руках. Рядом из воды показался чей-то хвост и исчез. Мор немедленно начал поедать рыбёшку, в итоге оставив только тонкие кости. В его руках появилась необучаемая сила, взявшись за деревянные весла, и с мыслью "сегодня я не умру", он поплыл в сторону Европы, попутно скрывшись в тумане...